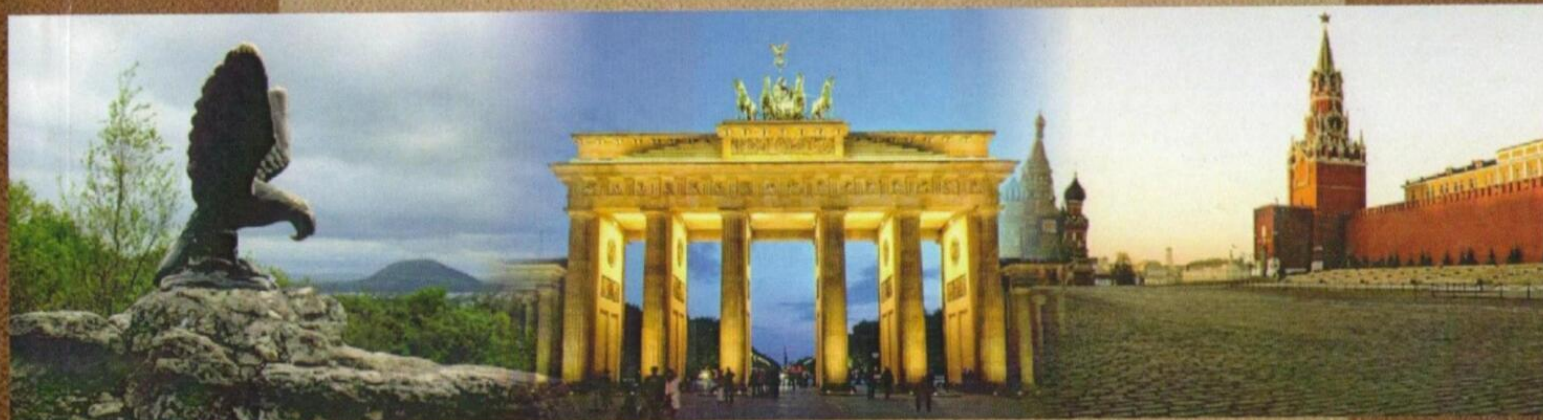

Юрий ЛАНОВОЙ

ТРИ СВЕТЛАНЫ

Повесть

Юрий Лановой
Три Светланы

«Автор»

2017

Лановой Ю. С.

Три Светланы / Ю. С. Лановой — «Автор», 2017

Юрий Лановой - выпускник Берлинского университета им. Гумбольдта, кандидат наук, много лет преподавал в российских и зарубежных вузах. "Три Светланы" - литературный дебют, в котором на фоне судеб трех неординарных, сильных личностей, выходцев из советской элиты - дочери Сталина, дочери высокопоставленного сотрудника НКВД и дочери председателя крупного колхоза, Героя соцтруда - автор искусно вплетает в канву повествования события из жизни своей семьи. Большое место в произведении занимает тема женской дружбы представительниц двух национальностей, двух различных менталитетов и вероисповеданий, проверенной годами лишений, расстояниями и военными событиями в мирное время.

© Лановой Ю. С., 2017

© Автор, 2017

Юрий Лановой

Три Светланы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗЯТЬ

Глава первая. Первый успех

Первые лучи восходящего солнца ярко брызнули на горизонте и своим теплом коснулись кучки облаков, робко парящих над бескрайней водной гладью моря. Облака встрепенулись, пришли в движение и, наполняясь новыми теплыми массами воздуха, разрастаясь и осмелев, ринулись на север, к устремленным ввысь заснеженным вершинам Кавказского хребта, проплывая над южными окраинами Европы. Обильно зачерпнув по пути черноморской влаги и изменив нежный небесно-голубой цвет на суровый свинцово-серый, эти грозные тучи уткнулись в белоснежную грудь Эльбруса и, не ослабевая своего натиска, обогнув его, похолодев и потяжелев, устремились на равнины Кубани и Ставрополя, низвергая с небес водную стихию, сверкая и громяхая и утверждая торжество великой природы над бессмысленными попытками покорить ее.

Светлана проснулась не от обычного, každоутреннего звонка будильника, а от дождя, который через открытое окно шумно барабанил по подоконнику и своими брызгами долетал до кровати, успев уже слегка намочить подушку – ее преданнейшую подружку: сколько ей было поведено! Светлана вскочила с кровати и быстро закрыла окно. Потягиваясь и посмотрев на будильник, она поначалу направилась обратно к кровати, но неожиданно остановилась и задумалась: сегодня первый день лета и первый выпускной экзамен в школе, будем писать сочинение. Можно еще раз просмотреть свои старые сочинения и подумать, о ком можно будет написать, если выпадет свободная тема. Конечно, она с удовольствием, а главное, с уверенностью на отличную оценку, написала бы об античных героях, о Спартаке или лучше о Клеопатре – о временах и народах, когда зарождались цивилизация и культура. Она сама хотела бы жить в то время, носить тунику, променяв ее даже на модные сейчас джинсы. Светлана взгрустнула: русский и литературу в школе преподает жена парторга колхоза, и теме античной литературы на ее уроках уделялось совсем мало времени. Любимыми темами учительницы были Великая Октябрьская социалистическая революция и Великая Отечественная война. За античность Тамара Александровна вряд ли поставит пятерку. А Светлане нужна только пятерка – Светлана претендовала на медаль.

Вечером за столом, накрытым в честь первого экзамена, Светлана рассказывала, в основном для папы, что она написала о первом человеке в мировой истории, совершившем полёт в космическое пространство – Юрии Алексеевиче Гагарине. Папа был доволен выбором темы и еще раз напомнил о важности следующих оценок для поступления в вуз. А вуз был самый главный – Московский государственный университет им. Ломоносова. О другом учебном заведении для получения высшего образования для своей любимой дочери участник Великой Отечественной войны, Герой Социалистического труда, бессменный председатель колхоза Семен Илларионович Л. и слышать не хотел.

Папа был строг, но справедлив, и дисциплина в семье была на самом высоком, достойном уважения односельчан, уровне. Поэтому непростительное отсутствие за семейным столом сына – младшего брата Светланы, восьмиклассника Вовки – очень огорчало Семена Илларионовича. Он этого не скрывал и обещал задать виновнику, как только тот возвратится домой. В отличие от мужа, Елизавета Капитоновна – красивая и мудрая женщина, хранительница домашнего очага, счастья и покоя семьи, была спокойна за своего сына, зная, что причиной его отсутствия могло быть что-то очень важное, экстраординарное, заставившее отложить в сторону намеченное и решать более актуальное.

Во дворе послышался лай собаки и громкие голоса. Светлана поспешила во двор и сразу же возвратилась в дом, окруженная несколькими мальчишками – друзьями Вовки. Самого виновника среди них не было. Семен Илларионович приподнялся и, отметив тревогу в лице супруги, председательским тоном сразу же задал главный вопрос: «Где Владимир?» Мальчишки, торопясь и перебивая друг друга, стали что-то рассказывать о тракторе, заброшенном участке земли на краю села, соседях-чеченцах ... Светлана, не дослушав их словесную неразбериху, как была в домашнем халате и шлепанцах, отпихнула мальчишек в сторону от прохода и выскочила из дома на улицу.

Кругом уже стемнело, но вдоль главной улицы, на которой стоял дом председателя колхоза, на столбах ярко горели лампочки, и Светлана, подхватив полы халата, побежала по освещенной полосе на окраину села. В мыслях она уже рисовала себе брата, стоявшего или хуже – лежащего на земле и окруженного чеченцами. Она почти физически ощущала его боль, его бессилие, стыд и позор его положения. Каково же было ее удивление, когда она увидела Вовку, стоящего рядом с незнакомым, высоким и красивым парнем, положив руку на его плечо и, самое неожиданное для нее, курящим наравне с другими незнакомцами. Реальная картина происшедшего сразу смутила и отрезвила ее. Она даже оглянулась назад – не подошли ли родители и не видят ли они курящего сына? Подбежав к брату и грубо оттолкнув незнакомца, она закрыла брата своей спиной и, вспомнив чья она дочь, твердым голосом хозяина положения спросила: «Что здесь происходит?»

Парень рассмеялся, его друзья подхватили громким хохотом. Светлана почувствовала, как Вовка больно ткнул ее в спину и тихо выговорил: «Кто тебя просил?» Вот за созданное его сестрой положение ему действительно было стыдно перед ничем себя недружелюбно, тем более агрессивно, не проявившими ребятами из соседнего села. Парень был, по всей видимости, предводителем в этой компании. Он что-то сказал на своем родном языке, и все сразу же двинулись в сторону. Светлана только сейчас увидела стоящих невдалеке лошадей, которых под узду сразу всех держал мальчишка, намного младше своих соплеменников, но уже активно принимающий участие в делах взрослых. Парень неожиданно оглянулся и посмотрел на Светлану. Она уже не раз замечала на себе оценивающие взгляды молодых мужчин и привыкла к ним, но этот взгляд был какой-то особенный. Он не скользил по ней снизу вверх, задерживаясь на отдельных частях ее красивой фигуры. Нет, парень открыто смотрел ей в лицо, как смотрят на хорошо знакомых, близких тебе людей и своим взглядом передают частицу своего душевного состояния. Светлана вновь смутилась и поспешила отвернуться. Вся компания ловко вскочила на своих лошадей и направилась вслед за своим предводителем из тускло освещенной околицы села в темноту степи. Послышался голос самого младшего из компании – он что-то сказал. В ответ все дружно вновь захохотали. Светлана поняла смысл этой реакции – речь шла, наверняка, о ней. Обняв Вовку, они оба поспешили домой.

Конфликт произошел на границе села с соседним поселением чеченцев. Уже никто не помнил, когда они впервые появились в этом районе, но было это очень давно. Земли, на которых они строили свои жилища и занимались хозяйством, были каменисты и непригодны для зерноводства, поэтому они разводили скот, а получаемые мясо и молочные продукты обменивали на зерно. Жили большими, многодетными семьями. Были очень трудолюбивы и гостеприимны. Сельчане охотно покупали у соседей лошадей, овец и коз, и даже в самые неурожайные годы никогда не отказывали им в необходимом количестве зерна. Соседи отвечали сельчанам породистостью животных и качеством своих продуктов. Границей между селом и поселением издавна считался заброшенный, холмистый участок земли, который обе стороны считали абсолютно непригодным для хозяйствования. Но была у этого куска земли одна особенность, которая совершенно в ином плане превосходила урожайность или продуктивность окружающих земель – на нем росли редкие в этой местности красивейшие цветы: ярко-желтые с темно-зелеными листьями ирисы, пурпурные кавказские пионы, белые горные флоксы, золо-

тисто-желтые лилии, полевые розовые гвоздики, лилово-розовый и темно-вишневый ятрышник, альпийские астры ... и воцарялись над этим разноцветным и разнопахнущим полем своими белыми, кремовыми, розовыми, пурпурными, фиолетовыми оттенками рододендроны. К примеру, в немецком языке это природное, цветковое зрелище очень емко можно назвать как «Augenweide», что значит «пастбище для глаз». Молодое мужское население по обе стороны границы собирало здесь для своей прекрасной половины редкостной цветовой гаммы букеты полевых цветов, которые могли бы достойно конкурировать с гордо-дорогими букетами городских флористик. Так как эта красота была ничейной, сбор обычно старались совершать таким образом, чтобы не мешать другой стороне, поэтому прежде чем ступить на нейтральное «пастбище», необходимо было удостовериться в отсутствии других «глаз».

И вот этот статус-кво нарушил в первый день того лета сын председателя колхоза Вовка. По его инициативе, а точнее, с подсказки папы, в школе была создана молодежная бригада механизаторов, и после теоретической подготовки в течение прошедшей зимы и весны, с началом летних каникул должна была начаться практика на отведенных полях в колхозе. Вот Вовка и решил сперва самостоятельно попрактиковаться на заброшенном участке. Выпросив у механика трактор, он решил пропахать на краю несколько борозд, и в мыслях не намереваясь нарушать цветочное богатство уникального участка. Шум работающего трактора услышали соседи и поспешили разузнать: кто нарушает нейтралитет? Обнаружив нарушителя и узнав, кто он, чеченцы решили сопроводить его в село и там разобраться с ситуацией. Сельские мальчишки, увидев Вовку в окружении чеченцев, бросились сообщить об этом Семену Илларионовичу. Вместо кого-либо из начальства, к удивлению всех присутствующих, появилась молоденькая девушка, готовая с воинственным видом защищать своего младшего брата. Ее появление спутало все планы чеченцев – с девушкой разбираться в ситуации они не собирались. Впрочем, ничего правонарушающего Вовка не совершил, и обе стороны уже подружились, но чеченцы, тем не менее, хотели показать, что равнодушны к сохранению мирных отношений с соседями. В тот вечер Светлана и подумать не могла, что это незначительное событие изменит всю ее жизнь.

Светлана сдала на пятерки все экзамены, и на выпускном вечере в торжественной обстановке директор школы за отличные успехи и примерное поведение вручил ей золотую медаль. В своем выступлении он отметил огромную роль родителей в воспитании и образовании дочери-медалистки. Папа, тоже с золотой медалью Героя соцтруда на лацкане пиджака, сидел за столом президиума в актовом зале школы, заполненном односельчанами – Светланиными одноклассниками и их родителями, и его лицо сияло от гордости за свою дочь, за свою семью, за успехи колхоза, которым он уже много лет руководил, и за то, что государство достойно оценивает добросовестный труд и его дочери, и его самого.

Следующий день сулил много приятных мероприятий. С утра Светлана с мамой собирались в краевой центр за обновлением гардероба Светланы – пора было готовиться к отъезду в Москву. После обеда обещали прийти подружки, и Светлана не могла не похвастаться обновками, хотя особого внимания к вещам никогда не проявляла. Вечером вся семья, немногочисленные родственники и близкие друзья соберутся «обмывать» Светланину медаль. Все эти предстоящие события в каком-то обрывочно-преображенном виде даже пронесли в ее беспокойном сне. К этому примешался и какой-то запах, отчего она так рано проснулась. Действительно, в ее комнате царил новый, непривычный для нее и слегка одурманивающий запах, исходящий от окна. Она подошла к окну и одернула занавеску. Светлана ахнула – на подоконнике распахнутого окна лежал огромный букет полевых цветов. Такого одновременного разнообразия цвета и запаха она еще никогда не ощущала и такого большого букета ей еще никто не дарил. Были, конечно, цветы от мальчишек-одноклассников к 8-му марта, от родителей ко дню рождения, на вручении медали сам завуч-историк преподнес ей большой букет гвоздик – Светлана была его любимица, а история – ее любимым предметом, но лежащие сейчас перед

ней цветы занимали почти весь подоконник. В ее сознании мгновенно промелькнули события последних дней, и она сразу поняла, откуда цветы и кто их нарвал для нее в такую рань...

В начале июля Светлана собиралась уезжать в Москву готовиться поступать на исторический факультет Ломоносовского университета. Как медалистка она имела право сдавать только один профилирующий экзамен по истории, и, получив «отлично», сразу стать студенткой. Она была уверена в своих знаниях в объеме школьной программы по истории и даже более того, что проходили в школе, но если «отлично» она не получит, то придется сдавать остальные экзамены. Посоветовавшись с учителями, дома решили, что Светлане на всякий случай следует принять участие в организованных университетом месячных подготовительных курсах. В Москве жил друг Семена Илларионовича, земляк из соседнего района, бывший сослуживец по комсомольской работе, рекомендованный в свое время на учебу в престижнейший Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Николай Григорьевич окончил МГИМО, стал дипломатом и уже много лет работал за границей. Он одним из первых друзей семьи поздравил Семена Илларионовича с окончанием школы и золотой медалью Светланы и спросил, не передумала ли она с вузом. Дело в том, что еще задолго до окончания выпускного класса, зная Светланину склонность к истории, способности к изучению иностранных языков и вообще ее целеустремленность и трудолюбие, советовал ей поступать в МГИМО и обещал посодействовать этому. Совет друга и его готовность помочь были заманчивы для тщеславного Семена Илларионовича, но, поговорив с женой, они все же решили, что судьба женщины-дипломата, постоянно оторванной от семьи, вдали от родины и на виду всего мира – это не для их Светланы, привыкшей к дому, любящей одиночество и книги. Ее стезя – научная работа и преподавательская деятельность, и для получения высшего образования выбрали для дочери вуз не менее престижный, чем дипломатический.

Николай Григорьевич с семьей проводил лето на подмосковной даче и предложил свою пустующую квартиру в Москве Светлане. Там она могла спокойно готовиться к экзаменам, к тому же в библиотеке дипломата был богатый подбор исторических книг. Родители Светланы с благодарностью приняли предложение Николая Григорьевича и проводили дочь в столицу. На вокзале в краевом центре Светлана с тревогой смотрела на огромную корзину с продуктами, которую папа вместе с водителем с трудом затаскивали в вагон поезда. Родители считали, что в Москве Светлане не следовало терять время на покупку продуктов. В корзину также уложили подарки для семьи Николая Григорьевича – домашние деликатесы, которые, как утверждал папа, «в никаких заграничах не купишь». В Москве на Киевском вокзале Светлану встречала дочь Николая Григорьевича – Аня. Она водила машину и специально приехала с дачи, чтобы помочь Светлане обустроиться в первые дни пребывания в столице. Им пришлось воспользоваться услугами вокзального носильщика с тележкой, чтобы выгрузить тяжеленную корзину, довести ее через переполненную людьми и транспортом привокзальную площадь к припаркованной машине и погрузить в багажник. Когда носильщик назвал стоимость его услуги, Светлана дала себе слово: никогда более не возить с собой тяжелые вещи!

Квартира Николая Григорьевича располагалась в знаменитом высотном здании на берегу Яузы, на Котельнической набережной. Открывая массивную двухстворчатую входную дверь, Аня сказала, что в доме жила и живет масса знаменитых людей. В их подъезде – балерина Галина Сергеевна Уланова, а на их лестничной клетке – актриса Клара Лучко. Светлана изобразила на лице мину удивления. На самом деле она много читала о сталинских высотках и их известных обитателях. К 800-летию Москвы в столице намеревалось возвести восемь высотных зданий, но из-за финансовых трудностей одна из высоток не была закончена, и позже на ее месте была построена гостиница «Россия». Высотка, в которой Светлане пришлось провести первые дни ее новой, столичной жизни, по тогдашнему замыслу правительства должна была стать не только жилым комплексом, но и стратегическим объектом: был разработан план по строительству подземного тоннеля от высотки к Кремлю, но он так и не был реализован.

Последующие два дня Аня целиком посвятила Светлане. Вместе они ездили на Ленинские горы, и в приемной комиссии МГУ Светлана подала заявление на поступление на исторический факультет. Затем Светлана записалась на подготовительные курсы и получила временный членский билет в библиотеку – для курсов нужны были методички МГУ. На обратном пути Аня повезла Светлану на свою работу. После окончания факультета журналистики МГИМО она сразу поступила в аспирантуру и наряду с научной работой преподавала на родном факультете и работала в издательстве. За годы учебы Аня изъездила все социалистические страны, была участницей многих фестивалей молодежи и студентов, выступала на международных конференциях молодых ученых ... Обо всех этих событиях Аня написала множество статей для своей институтской газеты. Некоторые статьи были опубликованы в центральных молодежных издательствах. Журналистика ей очень нравилась. Она с удовольствием окуналась в гущу событий в стране и, особенно, за рубежом, выискивала там интересующую ее информацию, анализировала, делала собственную оценку и результат в виде статьи отправляла в издательство. После окончания аспирантуры Аня мечтала о карьере собственного корреспондента издательства за рубежом.

Анина работа и ее мечта понравились Светлане, и она вспомнила о совете Николая Григорьевича. Возможно, он желал ей ту же профессию, которая нравилась дочери и поэтому советовал поступать в МГИМО. Родители же понимали под этим вузом единственно кузницу дипломатов и не желали Светлане судьбы Александры Коллонтай. Знали бы они больше информации, возможно, сделали бы другой выбор. У Светланы возникло чувство досады и она даже хотела поделиться этой мыслью с Аней, но передумала и сама приняла решение – выбор уже сделан, к тому же вступительные экзамены в МГИМО проводятся раньше, чем в других вузах, но самое главное – для поступления в МГИМО требуется рекомендация местного комитета комсомола, которая поддерживается крайкомом ВЛКСМ и крайкомом КПСС ... Конечно, папа как член президиума крайкома КПСС обеспечил бы получение рекомендации, но время уже ушло. Сперва нужно поступить в МГУ, а потом попробовать перевестись в МГИМО, естественно, если в этом будет необходимость.

Вечером Аня возвращалась к родителям на дачу. За эти дни девочки очень сдружились и простились как очень близкие подружки. Их действительно многое сближало, несмотря на разницу в возрасте – Аня была старше Светланы почти на шесть лет. Обе жаждали знаний, желали учиться, открывать новое ... обе были талантливы, имели свой взгляд на мир, стремились по-своему организовать свой жизненный путь и верили в успех ... обе родились и выросли в очень благосостоятельных семьях, имели доступ ко всем для их возраста благам того времени, общались с элитой окружающих семью людей, что не могло не отразиться на их воспитании и формировании мировоззрения.

Светлана начала усиленно готовиться к экзаменам: с утра до обеда на подготовительных курсах в университете и до глубокой ночи дома, окруженная книгами в кабинете Николая Григорьевича. Он очень убедительно настаивал на кабинете как помещении для умственной работы, считая, что окружающая обстановка стимулирует результат. Многие абитуриенты оставались после обеда в университетской библиотеке, устраивая перерывы и обсуждая в коридоре вопросы методички. Этот метод облегчал и ускорял понимание проблематичных вопросов, но Светлана привыкла к самостоятельному прохождению учебного материала и ей доставляло удовольствие, когда без посторонней помощи находила результат. Каждый вечер за четверть часа до программы «Время» звонил папа, и Светлана «докладывала» ему деловым тоном о проведенном дне и достигнутых успехах. Затем папа отправлялся смотреть последние известия, и трубку брала мама, тон разговора становился более лиричным, и мама с дочкой отводили душу, хотя обе думали только о предстоящем экзамене. Светлана каждый день заглядывала в приемную комиссию, справлялась об актуальном конкурсе – с каждым днем он становился выше, и прибавлялось большое количество абитуриентов с медалями.

Наступило 1 августа – день первого экзамена. Прошло всего лишь два месяца с начала лета, а сколько событий произошло за этот короткий срок! В прошлые годы Светлана в эти дни отдыхала в пионерском лагере, затем с родителями на море, в горах или в Москве, Ленинграде. Вместе любили ездить в Прибалтику, наслаждаясь замечательной архитектурой и ценя высокую культуру обслуживания. Сегодня – решающий для нее день.

Экзамен по истории включал три вопроса по различным историческим периодам. Суть вопросов была проста, но их формулировка разительно отличалась от привычных, школьных, и поэтому необходимо было сосредоточиться, чтобы ответить по сути и меньше «лить воды». На подготовительных курсах на это не раз обращалось внимание, подчеркивая важность содержания ответа, но не его продолжительность. Светлана быстро набросала своим мелким почерком конспекты ответов. Впрочем, ответ на второй вопрос, затрагивающий античный период, можно было и не писать – Светланин любимый конек! Экзаменаторы – оба мужчины. Старший, как уже узнала Светлана – профессор, декан факультета. Оба с большим вниманием слушали ответ Светланы, и когда она перешла ко второму вопросу, через некоторое время переглянулись друг с другом, удивляясь глубине знаний провинциальной абитуриентки. Поняв смысл этой реакции, Светлана переступила «недозволенное» и начала добавлять красочности в свой ответ, затягивая продолжительность. Профессор улыбнулся, попросил Светланин конспект, прочитал ответ на последний вопрос, затем показал его коллеге. Тот кивнул, взял светланин экзаменационный лист и поставил оценку. Профессор подтвердил ее своей подписью и прервав ответ Светланы, поднялся и пожал Светланину руку: «Поздравляю, коллега!» Из аудитории Светлана выходила уже студенткой МГУ!

Светлана не стала ждать вечернего звонка родителей. На первом этаже высотки МГУ находилась почта, и она тут же послала домой радостную телеграмму. К вечеру все село уже знало, что дочка председателя стала студенткой самого лучшего университета страны. На Семена Илларионовича и Елизавету Капитоновну со всех сторон посыпались поздравления. Первым свою радость не смог скрыть завуч школы. Пожимая руку Семена Илларионовича, он прямо сказал: «Ваша дочь станет прекрасным специалистом и достойна соответствующего места работы ... боюсь, в село она не вернется». Семен Илларионович и без него это знал и был готов к этому.

Вечером папа перебрал лимит продолжительности разговора, даже нарушил обязательность просмотра программы «Время» и впервые сменил тональность телефонного общения с любимой дочерью ... это был ее папа, папа дома, папа в ее комнате, осторожно входящий и весело восклицающий: «Все буквы изучаешь!» Разговор с мамой был еще продолжительнее, и в самом конце Елизавета Капитоновна почти шепотом выдала тайну – родители на днях приезжают в Москву.

Позвонила Аня и поздравила подругу с поступлением, затем трубку взял Николай Григорьевич и выразил от себя и супруги поздравления и пожелания успехов в получении высшего университетского образования и предложил «отметить» событие за шашлыком на даче.

Утром Светлану разбудил звонок телефона. Она подумала, что кто-то из знакомых хочет ее поздравить, но звонила дежурившая внизу консьержка, уточнила Светланину фамилию и сообщила, что внизу ее ждет посылка. Светлана на лифте спустилась на первый этаж. Консьержка загадочно улыбнулась, нагнулась вниз и в ее руках вместо ожидаемой посылки, как у фокусника в цирке, появился огромный букет алых роз. Светлана почувствовала нежный запах прекрасных цветов. «Велели вручить и поздравить», – заговорщическим тоном проговорила консьержка и вновь опустилась на свое кресло. «Кто бы это мог быть? – подумала Светлана. – Кто-то из своих, кто знает, что я в Москве и поступила в МГУ, но главное – знает, где я живу». Она стала перебирать в памяти предполагаемых людей, но ни один не подходил. Она пыталась выяснить у консьержки: кто этот щедрый и загадочный почитатель, хоть как он выглядит? Но та упорно молчала и, притворившись абсолютно глухой и немой, уткнулась в свой кроссворд.

Светлана повернулась и направилась уже к лифту, когда услышала в спину произнесенную с чувством зависти фразу: «Джигит, да и только... истинный джигит!» Светлана остановилась, тут же вспомнила первый день лета и полевые цветы на подоконнике...

Через несколько дней в Москву приехали родители. Светлана, уже как коренная москвичка, знающая как проехать на метро к вокзалу, с какой ветки, где и на какую пересаживаться, поехала их встречать. Когда папа показался в двери вагона, выяснилось, что Светлана не одна на перроне, которая встречает папу. К вагону поспешил крепкого телосложения парень, поприветствовал Семена Илларионовича как старого знакомого и стал помогать ему спускать на перрон плетеную корзину. Судя по их пыхтению, этот груз был еще тяжелее, чем предыдущий. Спустилась мама, обняла и поцеловала дочь. Слезы на глазах выдавали ее чувства радости.

Черная «Волга» быстро домчала семью до центра столицы, к гостинице «Москва». Выяснилось, что когда папа приезжал в командировки в Москву, за ним закреплялись служебный автомобиль с водителем и номер в этой гостинице. Ивана, так звали сегодняшнего водителя, он знал давно, и на этот раз позволил себе злоупотребить своим положением члена крайкома КПСС и заместителя председателя президиума союза работников сельского хозяйства СССР и попросил в неслужебной поездке встретить на вокзале. В холле гостиницы тяжеленную корзину перенял услужливый портъе. Все поднялись в заказанный номер и, не распаковав вещи, сразу же отправились на Красную площадь. Это уже стало традицией у Семена Илларионовича: в каждую поездку прежде всего пройти к Мавзолею и сверить часы на Спасской башне Кремля.

Гуляли до самого вечера по центру, через Манежную площадь прошли к Кремлевскому дворцу съездов, дальше по территории Кремля мимо Царь-пушки и Царь-колокола... Много шутили, смеялись, фотографировались... Настроение было прекрасное, как всегда, когда отдыхали вместе. Мама уже успела тайком сообщить Светлане, что в гостинице ее ждет сюрприз. Напоследок зашли в ГУМ и насладились знаменитым мороженым в вафельных стаканчиках, хотя все были голодные и съели бы что-нибудь посуше. Поэтому поспешили назад в гостиницу, где в ресторане их ждал заказанный ужин.

Первое, что Светлане сразу бросилось в глаза на заставленном тарелками и бутылками столе в ресторане, был букет цветов в высокой хрустальной вазе. Она уже даже немного испугалась, приняв его за очередной от джигита, но успокоилась, когда увидела цветы и на других столах. Первый тост папы был, конечно, за Светлану, за ее успех, за ее настойчивость и старания в течение всех школьных лет, часто вместо прогулок и танцев в клубе, оставаться за письменным столом и «изучать буквы». Потом мама поздравила дочь с началом нового этапа в жизни – приобретении высшего образования и профессии, заметив при этом, что кроме учебы и университетских аудиторий существует мир театров и концертов, турпоходов и студенческих вечеринок... При последнем папа многозначительно кашлянул. Светлана, переполненная чувством, но придерживаясь атмосферы торжественности ужина в ресторане, сказала, что она очень счастлива и что у нее самые лучшие родители на свете.

Поднялись в свой номер, где можно было расслабиться – папа ослабил свой галстук, мама с дочкой уселись, тесно прижавшись друг к другу, прямо на кровать, как делали это часто дома. Достали из корзины домашнее вино, фрукты... снова выпили сразу до дна, с чувством, с эмоциями – как это принято среди своих. Папа примерял Светланину золотую медаль рядом со своей золотой на груди пиджака – все рассмеялись; который раз внимательно рассматривал экзаменационный лист с отличной оценкой по истории. Светлана терпеливо ждала сюрприза, не подавая и виду, что посвящена в тайну, правда, не зная, в какую. Мама уже почти открыто тоже не сдерживала своего нетерпения. Наконец папа, посмотрев на лежавшие на столе медаль и экзаменационный лист с «пятеркой», достал из кармана обыкновенный дверной ключик и положил его рядом. «Бог любит троицу! – торжественно произнес член крайкома КПСС, удивив бы присутствующих, если бы это было сказано в другом месте. – Вот мы вместе с матерью решили подарить тебе квартиру в Москве, дабы ты не скиталась по общежитиям...» Светлана

от удивления открыла рот, хотела что-то сказать, но впервые язык почему-то ее не слушался. Мама всунула ей в рот дольку нарезанной груши, она ее инстинктивно проглотила, заставив язык повиноваться, и прыгнула папе на шею.

Светлана отправилась ночевать на Котельническую, договорившись встретиться с родителями утром в гостинице и затем поехать инспектировать новое жилье. А после обеда их ждал на подмосковной даче в Кунцево Николай Григорьевич.

Семен Илларионович хорошо запомнил слова завуча школы, когда тот поздравлял его с поступлением Светланы в МГУ. Он и сам не раз думал о том, что если дочь окончит столичный вуз и займется наукой, то обратно в село не вернется, и чем раньше она займет собственное жилье, где она, в отличие от студенческого общежития, привыкшая к тиши и уединению, сможет успешно работать, тем меньше проблем у них возникнет в будущем, когда, возможно, квартиру придется обменивать поближе к работе или расширять ее площадь.

Новое жилье Светланы располагалось в многоэтажном, растянутом на полквартила здании на Ленинском проспекте. Посмотрев на здание, Светлана подумала, что в нем могло бы расквартироваться, наверное, все их село. Невдалеке величаво возвышался шпиль МГУ – до учебы можно пройти пешком. Квартира находилась на самом последнем этаже – тоже удобно, меньше шума с улицы. Семен Илларионович протянул ключ дочери, и она как полноправная хозяйка входила в свою квартиру. Это была однокомнатная квартира с большим залом, просторной кухней, вместительной прихожей, но больше всего поражала своими обширными размерами лоджия, куда можно было войти из зала и выйти на кухню. Папа даже посчитал, что Вовка мог бы здесь развернуться на своем тракторе. Обычно на этих площадях под самой крышей устраивали свои ателье и студии люди искусства. По всей видимости, прежние хозяева бывали здесь редко и использовали квартиру как подсобное помещение – вся мебель была старой; некоторые предметы даже когда-то составляли часть антикварного гарнитура; с потолка свешивалась старинная, тускло сверкающая хрусталем люстра; стены были увешаны потрескавшимися картинами в резных рамах; варочная плита и холодильник на кухне – не последних моделей. Несмотря на музейность и возраст обстановки, все было в ухоженном состоянии. Было заметно, что накануне квартиру тщательно убрали. Мама считала, что в первую очередь необходимо заменить кровать: стоявшее в зале огромное двуспальное ложе занимало полкомнаты. Папа уже завтра видел на кухне новый, большой холодильник. Только теперь Светлана поняла, зачем родители привезли в очередной корзине годовой запас домашних продуктов – все было заранее известно и продумано, и ей придется остаться в Москве и до начала занятий привести в порядок свою квартиру. Напрасно она надеялась вместе с родителями поехать домой и хотя бы недельку провести с ними на море.

Николай Григорьевич лично, как будто на даче не было охранника, а он сам не был чиновником высокого ранга Министерства иностранных дел, в шортах и соломенной шляпе, открывал кованую калитку дачи и, как тогда, в далекие комсомольские годы на скромном дачном участке с дощатым домиком, с рюмками в одной руке и бутылкой водки в другой встречал дорогих гостей. Гости взяли по рюмке, Николай Григорьевич налил. Все выпили, Светлана пригубила, и лишь затем Семен Илларионович попал в объятия старого друга. Папа был выше среднего роста, но Николаю Григорьевичу, тем не менее, пришлось немного нагнуться, и лишь потом послышался хруст сжимаемых папиных костей. «Ты все же когда-нибудь меня придушишь, – смеясь, сказал папа. – Дай прежде поздороваться с твоими девочками».

Людмила Альбертовна, супруга Николая Григорьевича, и дочь Аня ожидали гостей на пороге массивного, двухэтажного, бревенчатого дома, от которого в одну сторону к воротам, а в другую – прямо в лес разбегались уложенные булыжником дорожки. Обе женщины, как и хозяин дома, были очень просто, по-летнему одеты и улыбались навстречу гостям. Аня сразу бросилась целовать подругу и потащила ее в свою комнату. Ей хотелось поскорей узнать впечатления Светланы о квартире на Ленинском. Людмила Альбертовна пригласила маму в зал,

где обе женщины опустились в удобные кожаные кресла вокруг маленького столика с резными ножками, на котором стоял пузатый графин и высокие бокалы. Хозяйка сразу предложила гостю отведать сока собственного приготовления. Николай Григорьевич, мягко обняв папу, повел его в сторону леса к спрятавшейся за первыми же деревьями просторной беседке. Ему хотелось отвести душу – поговорить с поверенным во все дела другом. Здесь их на столе ожидала уже знакомая початая бутылка водки, рядом стояли напитки с известными и неизвестными Семену Илларионовичу этикетками, тарелки и тарелочки с закусками. Решили дотить нашу родную «столичную», но прежде Семен Илларионович снял свой золотиносный пиджак, развязал галстук и закатил рукава рубашки – это хоть малость напоминало прежние времена ...

Светлана, сидя за письменным столом в Аниной комнате, и здесь на даче, обставленной скорее для работы, чем для отдыха – с множеством книг на английском языке, словарей, справочников, огромной картой на стене – делилась с подругой результатами инспекции новой квартиры, начав с главного – новое жилье ей и родителям нравится; она сейчас не уезжает с ними домой, остается в Москве и будет заниматься квартирой. Затем стала перечислять, что необходимо переставить или передвинуть или вообще куда-нибудь убрать из квартиры и что необходимо купить. Аня соглашалась с ее намерениями или предлагала свои варианты, проявляя при этом подозрительное для Светланы точное знание расположения помещений и наличия предметов обстановки в квартире на Ленинском. Создавалось впечатление, что Аня жила в этой квартире ранее или, по крайней мере, не раз была в ней. К большому удивлению подруги Аня призналась, что квартиру собирался для нее приобрести Николай Григорьевич. Квартира принадлежала его коллеге, жившему в этом же подъезде этажом ниже. Коллега вышел на пенсию и уехал за границу, вызвав этим неблагоприятным поступком для российского, пусть даже и отставного, дипломата негативный отклик в министерстве. Его сын с семьей перебрался в папину квартиру, а свою намеревался продать «своим» вместе со старой мебелью в придачу. Аня посмотрела квартиру – она ей тоже понравилась, и начала строить планы обустройства, но потом ее намерения изменились, потому что ... Аня не досказала, почему и предложила показать подруге дачу, пообещав сказать ей позже что-то очень важное.

Аня водила подругу по дому – спальни, зал, кабинет Николая Григорьевича, кухня – и здесь, как и в квартире на Котельнической, все было обставлено со вкусом, красивой мебелью, дорогой посудой и современной техникой. Девушки спустились вниз и, взявшись за руки, пошли по дорожке мимо беседки, где оба папы о чем-то серьезно разговаривали, в чашу деревьев. После палящего солнца и жары в зеленом туннеле деревьев было приятно прохладно, и тишина окружающей природы располагала к молчанию или к душевному разговору. Светлане хотелось продолжить начатый с подругой разговор и узнать о том важном, что она намеревалась ей сказать, но Аня, удивив Светлану, попросила рассказать о ее детстве, о ранних годах папиной работы в комсомоле, о знакомстве с Николаем Григорьевичем. Светлана решила, что Аня собирает материал для своей новой статьи и начала вспоминать раннее детство. Так незаметно, в разговоре, большей частью – в монологе, подошли к берегу лесного озера. К воде спускался узкий причал, в конце которого на воде покачивалась лодка. Красоту обстановки нельзя было не заметить, и Светлана тут же сменила тему и высказала свое очарование этим местом. «Ты угадала, – сказала как-то с непонятной грустью Аня. – Это – любимое место папы». Помолчав и, видимо, все же решившись, она добавила: «Помнишь, в сказке Андерсена «Новое платье короля» есть такие строки: «Если про королей говорят: «Король в совете», так про этого всегда говорили: «Король в гардеробной». Про моего папу можно сказать, что вместо заседания в МИДе он часто проводит время здесь, за рыбалкой». Светлана удивилась – так вот то важное, что хотела поведать подруге Аня. И это говорит о своем отце любимая и единственная дочь! Об одном из самых близких друзей папы! О государственном, всеми уважаемом чиновнике высокого ранга, представляющего нашу страну за рубежом! Светлана была в растерянности

и не знала, что ответить Ане. «Ничего не говори! – ответила за нее подруга. – Пойдем есть шашлык. Наши парни готовят его не хуже ваших кавказцев».

Шашлык и впрямь удался – сочная, свежая свинина на шампурах вместе с помидорами прямо таяла во рту. Семена Илларионовича единогласно избрали тамадой, и он, хорошо зная толк в этом искусстве, виртуозничал за столом. Мама его не раз осаждала в его рвении, напоминая, кто в этом доме хозяин. Поднимали рюмки и бокалы за хозяев, за гостей, за прекрасных дам. Затем отдельно за каждого присутствующего. Николая Григорьевича особо благодарили за заботу и внимание в связи с поступлением и приобретением квартиры. Людмилу Альбертовну – за гостеприимство и радушие, желали ей сохранить на долгие годы красоту и здоровье. Ане в первую очередь желали успешно закончить аспирантуру и защитить кандидатскую. Семена Илларионовича и Елизавету Капитоновну поздравляли с успехом дочери. Светлане пророчили успешную научную карьеру на славу отечественной истории. Вся эта череда тостов, смены закусок и напитков проходила в каком-то ускоряющемся темпе, повышающем громкость голосов за столом и содержание алкоголя в крови. Создавалось впечатление не радостной встречи, а прощания накануне каких-то трагических событий. Наконец, решено было сделать перерыв и отправиться купаться. Елизавета Капитоновна и Светлана решительно отказались, сославшись на неподготовленность к этой части программы. Людмила Альбертовна и Аня присоединились к ним – не могли же они оставить гостей в одиночестве. Мама осталась за столом, дочки вернулись в Анину комнату. Аня, опережая вопросы подруги, сказала ей коротко: «В ближайшее время в стране что-то произойдет, что коренным образом изменит нашу жизнь. У папы на работе в связи с этим напряженка, и это негативно отражается на семье, в первую очередь – на отношениях с мамой. Поэтому мы не купили квартиру на Ленинском, и я решила остаться дома с ними».

Вернулись после купания мужчины – протрезвевшие и посвежевшие, но женщины предусмотрительно убрали со стола алкоголь и предложили продолжить вечер за кофе и чаем с домашним наполеоном. На небе уже зажглись звезды. Освещение дополнялось спрятанными в цветочных клумбах фонариками, а за столом текли воспоминания о прошедшей молодости, о комсомольских буднях и праздниках ... Николай Григорьевич вместе с Семеном Илларионовичем были даже короткое время на Целине, за что оба получили медали и грамоты. Было уже совсем темно, когда стали прощаться. Светлана, уже посвященная в настроение семьи, с тревогой наблюдала, как Николай Григорьевич обнял папу и три раза поцеловал его, и с какими глазами смотрел папа на своего старшего друга, который не раз советовал, предупреждал и помогал ему, и теперь было неизвестно, как сложится их дальнейшая судьба.

На следующее утро Светлана проснулась в собственной квартире и ни где-нибудь, а на Ленинском проспекте, в столице нашей Родины! Вчерашний день был настолько насыщен событиями, что она долго не могла заснуть и сейчас чувствовала себя растерянной и не сразу смогла сконцентрироваться – сегодня день тоже обещал быть нелегким. С утра пришли мастера и заменили всю сантехнику. Затем на месте старой газовой плиты засияла белизной новая. И завершилось обновление квартиры диван-кроватью, большим холодильником и маленьким цветным телевизором. Все это было расставлено по своим местам и проверено на функциональность. Вечером намечалось чисто символически отметить новоселье, и родители ночным поездом уезжали домой.

За столом после пожеланий и успехов в новой квартире Светлана намеревалась рассказать родителям о том, что услышала от Ани, но потом передумала. Она не хотела загружать их, особенно папу, такими серьезными мыслями перед дорогой – если этому суждено свершиться, то произойдет это не завтра, и к тому же папа наверняка о событиях такого масштаба уже должен быть в курсе дела.

Семен Илларионович, лежа на верхней полке СВ-вагона скорого поезда, мчавшегося на юг, не мог заснуть в ту ночь. О том, что намеревалась ему рассказать дочь, он уже давно знал, и

разговор с Николаем Григорьевичем на даче только усугубил его раздумья о будущем: как жить дальше, как руководить колхозом, ту ли профессию избрала Светлана накануне таких исторических событий? Зная характер своей дочери, ее принципиальность, он заранее предвидел те трудности, которые могли кардинально изменить ее жизнь. Он успокаивал себя лишь одним – события такого масштаба так быстро не свершаются, а потому надо продолжать справляться с более актуальными проблемами.

Но не только будущее страны и семьи тревожило мысли Семена Илларионовича на обратном пути домой. Из головы не выходила Инночка.

Глава вторая. Подарок судьбы

Семен Илларионович познакомился с Николаем Григорьевичем в те далекие годы, когда после сельхозтехникума работал механизатором в родном колхозе и одновременно возглавлял первичную комсомольскую организацию. Николай Григорьевич к тому времени был инструктором райкома комсомола. Высокий и энергичный, с мощным раскатистым голосом и неисчезающей улыбкой на вечно загорелом лице он тревожил сердца многих красивых девушек, работающих в райкоме, но он остановил свой выбор на ничем внешне непримечательной девушке, с которой вместе росли по соседству. Инночка была самым старшим ребенком в семье местной районной интеллигенции – школьного учителя и заведующей библиотеки. Соседский мальчишка Коля – сын простого слесаря из МТС (машинно-тракторная станция) и медсестры из больницы – часто видел худенькую, скромную девочку, гуляющую на улице вместе с двумя маленькими братишками. Однажды поздоровавшись, они познакомились, стали вчетвером гулять по улице. Коля – старше Инночки, высокий и крепкий – уже своим внешним видом показывал, что готов защитить свою спутницу от любых обид местных мальчишек. Инночке это нравилось.

Колины родители с утра до вечера были заняты на работе и возвращались уставшими и озабоченными. Отец – вечно отдающий соляжкой, с черными, несмывающимися следами масла на руках – после ужина устраивался перед телевизором, но вскоре засыпал на стуле. Мать – каждый раз приносящая с собой пронзительный запах лекарств – готовила еду на завтра, наскоро проверяла дневник сына и, с трудом дотаскив мужа до кровати, сама засыпала рядом. Коля был предоставлен самому себе – ходил в школу, делал уроки, когда подрос – сам варил борщ. Он не гонял с мальчишками мяч на пыльной дороге, не просиживал с удочкой на речке: его больше тянуло к книгам. Колин сосед-учитель в классе заметил способного и не по годам рассудительного мальчика и когда узнал от жены, что Коля – постоянный читатель библиотеки, а от дочери – что они знакомы, то все вместе решили пригласить соседа в гости.

Тот день, когда Коля впервые вошел в их дом, стал знаменательным в его жизни. Он коренным образом изменил его мировоззрение, его судьбу, которую прочили ему родители. Уже сам дом Алексея Карповича и Веры Георгиевны, унаследованный от родителей Алексея Карповича – с большим залом, где вечерами за чаем с мятой и душицей, за чтением вслух интересной книги или просто за разговором собиралась вся семья; со спальнями для родителей, для дочери, для сыновей; с кабинетом хозяина, доверху уставленным книгами в застекленных шкафах; с просторной кухней, где начиналось каждое утро семьи и, главное, атмосфера, царящая в доме, где каждый член семьи, даже самый маленький, чувствовал себя частицей одного здорового организма – разительно отличались от того жилья и быта, в котором рос Коля. Несмотря на свой юный возраст, он ясно видел и отличал любовь, уважение и заботу в отношениях Инночкиных родителей, их чувства к детям, и у него щемило в душе, когда он вспоминал свой дом, своих родителей.

Коля стал часто бывать в доме соседей, и сами отношения с Инночкой, с ее родителями стали более близкими. Случалось, что со своими проблемами Коля шел за советом в соседний дом и лишь потом советовался со своими родителями. Интеллигенты не в первом поколении,

унаследовавшие от своих родителей, от предков их семей самые лучшие человеческие качества, Алексей Карпович и Вера Георгиевна щедро расточали их другим – уча, советуя, помогая, независимо от степени знакомства и социального статуса.

Проходило время. Коля и Инночка выросли. Изменялись и их чувства друг к другу, перерастая от просто дружеских к более серьезным. В семье соседей Коля уже считался чуть ли ни сыном. После окончания школы Коля, не раздумывая, поступил на заочный факультет пединститута. По рекомендации Алексея Карповича, парторга школы, Колю приняли на работу инструктором в райком комсомола. Молодой и видный собою парень, талантливый организатор комсомольской работы, быстро пошел вверх по служебной лестнице. Через два года Коля стал заведующим отделом. Инночка успела за это время окончить школу и тоже поступила в пединститут, но на дневное отделение. На семейном совете было решено: после второго курса она выходит замуж ... конечно, за Колю!

По совету Алексея Карповича Коля поступил на двухгодичный вечерний факультет университета марксизма-ленинизма при райкоме КПСС. Университет располагался в здании райкома комсомола, и поэтому для Коли остаться два раза в неделю на два часа занятий не доставляло больших хлопот. Коля выбрал международный факультет. Его интересовала политика, он внимательно следил за международными событиями и сам часто выступал на политинформациях. К концу семестра на факультете каждый слушатель подготавливал доклад на актуальную тему, который обсуждался всей аудиторией, и по результатам обсуждения выставлялся зачет. В своем докладе на тему «Германский вопрос» Коля раскрыл одну из важнейших европейских геополитических проблем, касающуюся вопроса политического статуса и границ Германии. Начав анализ с распада Священной Римской империи, создания Второго рейха, поражения в Первой мировой войне, создания гитлеровского Третьего рейха, разгрома во Второй мировой войне, раздела страны на зоны оккупации, объединения западных зон и образования Федеративной Республики Германии и, наконец, создания первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян – Германской Демократической Республики, Коля в заключение высказал собственное мнение о возможном будущем двух немецких государств. После занятия к нему подошел преподаватель, сотрудник райкома партии, поблагодарил за доклад, поинтересовался о Колиной работе и удивился, что Коля, кроме работы и занятий в университете, еще учится заочно в институте.

Через несколько недель после очередного занятия к Коле вновь подошел преподаватель и сказал, что их ждет первый секретарь райкома комсомола. В кабинете первого секретаря, несмотря на поздний час, продолжалось заседание, и Коля, воспользовавшись ожиданием, попытался выяснить у преподавателя причину его вызова, но тот посоветовал не опережать события. Наконец из кабинета стали выходить люди, и Колю с преподавателем пригласили войти.

Первый секретарь райкома ВЛКСМ приподнялся из-за стола, пожал руки и жестом указал на стулья. Найдя на столе нужный документ и бегло просмотрев его, он сразу же перешел к делу. Крайком партии получил две разрядки на учебу в Московском государственном институте международных отношений и поручил крайкому комсомола подобрать кандидатуры из молодых перспективных комсомольских вожаков. Одну кандидатуру уже подобрали. Райком комсомола рекомендует крайкому комсомола в качестве второй кандидатуры Вас. И первый секретарь вопросительно посмотрел на Колю. Что скажете? Опережая Колю с ответом, поднялся преподаватель и, как на заседании парткома, четко и ясно дал характеристику слушателю университета марксизма-ленинизма Николаю Григорьевичу Б., подчеркнув его обширные знания международного положения страны и прекрасные аналитические способности. Первый секретарь одобрительно кивал головой и, дождавшись, когда преподаватель опустил на свой стул, вновь посмотрел на Колю. Коля встал и честно признался, что это неожиданно для него и он не знает, что ответить ... потом быстро добавил, что уже учится в пединституте.

Первый секретарь удивленно посмотрел сперва на преподавателя, потом вновь на Колю, снял очки и уже тоном рядового комсомольца сказал: «Я бы для приличия поблагодарил за доверие ...» Затем вновь нацепил очки и продолжил в поучительном тоне, что Колина успешная учеба в вузе только подтверждает правильность выбора райкома. Коля должен понять, что это – большое доверие комсомола своему члену и большая ответственность перед партией, и Коля должен оправдать это доверие. Коле будут созданы максимально благоприятные условия для подготовки к вступительным экзаменам, которые состоятся в следующем июле. В завершение разговора первый секретарь попросил подумать и дать ответ в самое ближайшее время. На предпоследнем слове он сделал особое ударение.

На семейном совете Алексей Карпович сразу же сказал, что, независимо от своего решения, Коле нужно было прежде всего поблагодарить за доверие и просил Колю запомнить это на будущее. В отношении самой учебы в престижнейшем вузе страны – и долго думать не надо! Это – подарок судьбы, и им надо, несомненно, воспользоваться. Коля достоин этого подарка. Вера Георгиевна поддержала мужа, но, тем не менее, заметила, что, несмотря на все привилегии, дипломат – покорный слуга государства, не волен в выборе места работы и это отражается на семье. В этот момент Вера Григорьевна, конечно, думала о судьбе дочери. Потом вдруг опомнилась и твердым голосом добавила, что русские дипломаты всегда думали, прежде всего, о благе отчизны и только потом о себе! Инночка, услышав это, расплакалась.

На следующий день у Коли состоялся серьезный разговор с Инночкой. Он уже принял решение и теперь ему следовало успокоить и обнадежить любимую девушку. Неожиданная новость вначале испугала Инночку – Коля стал ей дорог и близок, без него она уже не представляла себе другую жизнь, и вот теперь должны расстаться! Но родители объяснили любимой дочери, что еще неизвестно, поступит ли Коля в МГИМО и если поступит и уедет, то не навсегда, будет приезжать на каникулы, и она может съездить к нему в Москву. Инночка немного успокоилась и совсем пришла в себя, когда Коля упомянул о возможности ее перевода на учебу в московский пединститут, и как было решено ранее, через два года они поженятся. Инночка молча слушала Колю, но в голове терзала одна и та же мысль – окрутят его московские девки!

Коле действительно создали на работе режим максимального благоприятствования, освободив от некоторых обязанностей и позволив часть рабочего времени посвящать подготовке к экзаменам – ведь из их рядов выходил будущий дипломат! Перед экзаменами с каждым абитуриентом МГИМО проводилось собеседование с целью оценить его общий образовательный и культурный уровень. Этот показатель нередко являлся решающим при зачислении в институт. Колины друзья из райкома начали приносить ему познавательные статьи из газет и журналов, советовали прочесть аннотации к тем или иным популярным литературным произведениям, театральным постановкам, кинофильмам. Стараясь не злоупотреблять предоставленным ему режимом, Коля читал в перерывах между заседаниями, в дороге во время командировок, даже сидя в президиуме торжественного собрания, уткнувшись в книгу как в повестку дня. Друзья шутили, что Коля, еще не поступив в МГИМО, уже нашел Место Где Интеллигент Может Отдохнуть! Дома Коля совершенствовал свой французский, повторял историю и естествознание. Сочинения по литературе он всегда писал на отлично, оставалась география – этому предмету Коля не уделял особого внимания в школе, и теперь многое приходилось наверстывать заново.

Прошло полгода после судьбоносного разговора в кабинете первого секретаря райкома комсомола. Приближалась пора сдачи экзаменов. Коле казалось, что за этот короткий период он прочитал, узнал и выучил столько, сколько он познал за все время учебы в школе. Его вызывали на заседание крайкома партии, где его кандидатуру утвердили для учебы в МГИМО. Там он познакомился с худощавым, нерусским парнем – секретарем первичной комсомольской организации отдаленного совхоза. Он был второй кандидатурой на учебу. Уже позже, когда Николай Григорьевич стал дипломатом и устраивал на учебу дочь, он вспоминал этого парня,

которого для создания видимости равноправия при поступлении в престижнейший вуз страны просто покатали за счет совхоза в Москву и обратно. После заседания крайкома к Коле подбежала бойкая корреспондентка из местной газеты и стала задавать ему вопросы. Коля прервал ее вопросом – не ошиблась ли она адресом? «Ну что Вы! Вы ведь теперь наш пример и гордость – будущий дипломат, выращенный в нашем крае!» – с пафосом возразила она.

В июле Коля уехал в Москву, успешно прошел собеседование, сдал вступительные экзамены и ожидал списка зачисленных на 1-ый курс факультета международных отношений. Неожиданно его вызвали в приемную комиссию и послали в студенческую поликлинику пройти медкомиссию. Увидя перед собой атлета, врач удивленно произнес: «С Вашим представительским видом только родину представлять! Чего они там выдумывают!» Коле было ясно – при таком огромном конкурсе нужно было найти зацепку, чтобы отсеять лишних.

Колю зачислили, и началось его восхождение теперь по дипломатической лестнице.

Глава третья. Место Где Интеллигент Может Отдохнуть

Разительно выделяясь своим высоким ростом и крепким телосложением среди остальных сокурсников, Коля отличался и своим поведением и отношением к учебе. Большинство студентов – дети сотрудников МИДа, высших чиновников столичных и республиканских министерств, крупных партийных работников – действительно считали, что вуз, куда их устроили влиятельные папы, это именно то Место, Где Интеллигент Может Отдохнуть. Уже своей джинсово-импортной одеждой, вальяжной манерой выставлять себя, небрежной русской речью с обязательной примесью лексики иностранного языка они искусственно отделяли себя от той, как они считали, «серости рабоче-крестьянского происхождения», которой милостиво позволили присутствовать в этом Месте. Они общались своими обособленными группами не по интересам, а по значимости их родителей – предков, как они их называли – и крайне редко впускали к себе «недостойных», которым угтавливали роль обслуги, шутов и сплетников. Привыкший к дисциплине и отчетности на работе, к серьезному отношению – пусть даже и на заочном отделении – в пединституте, он удивлялся лояльности и снисходительности преподавателей. Трезво оценив свое положение и свои возможности, Коля выбрал самый оптимальный способ добиться признания в этом вузе: в учебное время – отличными знаниями, а в свободное время – успехами в спорте.

Еще в старших классах школы он начал заниматься баскетболом, затем продолжил на работе в комсомоле, был в сборной района. На первой же тренировке в спортзале института он понял, что для начала он может здесь проявить свое спортивное превосходство над институтской «элитой» и стать равным. Успех не заставил себя долго ждать – к концу первого семестра он уже был в сборной института. К концу учебного года команда была в числе молодежных лидеров столицы, и в этом была немалая заслуга Коли. В силу специфики вуза проводились международные соревнования, и Коля впервые в жизни выехал за границу, в Болгарию. Оттуда он вернулся с медалями и репутацией лидера команды, достойно защищавшего спортивную честь страны за рубежом. Спортивные заслуги открывали Коле дорогу в общественно-политическую жизнь института. Он становится членом комитета комсомола института – родной ипостаси Коли.

В учебных аудиториях института за Николаем Б. постепенно закрепляется репутация студента-отличника. Николай активно выступает на семинарах, проявляет глубокие знания изучаемых предметов, хорошо разбирается в исторических событиях, дает им правильный объективный анализ, не стесняется высказывать собственную оценку событиям ... Николай хорошо владеет французским языком, у него прекрасное произношение – Вера Георгиевна, свободно владеющая французским, проведшая детство в Париже – немало вечеров посвятила шлифовке Колиного произношения. Николай успешно овладевает вторым иностранным языком – арабским, много общаясь со студентами-выходцами из арабоязычных стран.

За первые два года обучения Коля коренным образом изменил свой статус студента из провинции, выходца из серой массы, и «интеллигенты» признают это.

Людмилу Коля впервые увидел в спортзале института. Высокая, статная девушка сразу бросалась в глаза и вызвала интерес. Она училась уже на старшем курсе, давно играла в баскетбол, была капитаном женской сборной института. После нескольких совместных тренировок она отметила, что атлет с первого курса неплохо водит мяч по площадке и точно забрасывает его в корзину. И по всему было видно, что он – не из институтских «интеллигентов». Тренер иногда ради спортивного интереса составлял смешанные команды, и когда Коля играл в одной команде с Людмилой, они всегда с разгромным счетом побеждали соперника. Людмиле это нравилось и она уже проявляла инициативу при составлении своей команды. После тренировки Коля шел к метро, и случалось, что им было по пути. Со временем случайность переросла в привычку – один ожидал другого, и они вместе совершали этот путь. Дальше пути расходились по разным веткам: Коля ехал в общежитие, Людмила – домой. Он уже знал, что Людмила – дочь высокопоставленного чиновника из МИДа. Многие парни из института, проявляя свой незакончено-высший, а некоторые – даже высший дипломатический талант, пытались завоевать ее симпатию, но Людмила была неприступна.

Так проходили месяцы их тренировок и коротких совместных путешествий к метро. Коля чувствовал, что Людмила пытается проявить инициативу и продолжить общение за пределами спортзала, но Коля каждый раз сердцем ощущал фотографию Инночки во внутреннем кармане его пиджака и не поддавался.

Однажды после очередной тренировки Людмила громко объявила, что приглашает в ближайший выходной всю команду на дачу.

Дача Людмилиных родителей располагалась в Кунцево, на излучине Москва-реки. Большой каменный дом, покрытый красной черепицей, подковой окаймляла сосновая роща. От высокого крыльца вниз к воде спускалась дорожка. Вся окружающая инфраструктура наглядно показывала социальный статус хозяев. Рослая баскетбольная дружина разместилась за столом на просторной веранде. Родители Людмилы радушно встречали друзей дочери. Альберт Генрихович – папа Людмилы, несмотря на высокий чин, сам ходил вокруг стола, подливая вино в бокалы и уговаривая отведать то или иное блюдо, при этом он повторял, что тоже когда-то учился и знает, что значит голодный желудок. Коля, непривыкший к такому застолью – чрезмерному обилию блюд и напитков, не знал, с чего начать, поэтому ел знакомую пищу и старался меньше пить, на что обратила внимание Людмилиная мама – Клара Аполлоновна. Она подошла к Коле, по-хозяйски взяла его тарелку и стала накладывать понемногу разных блюд. Возвратив тарелку на место, она наклонилась и шепнула Коле на ухо: «Не стесняйтесь! И слушайте, что говорит мой муж – он плохого никогда не советует». Команда – подавляющее большинство из институтских «интеллигентов» – уговаривать себя не заставляла. Видно было, что подобное застолье было для них привычным делом, и к тому же молодой организм крепких, здоровых людей требовал обильной пищи. Коля заметил, что и папа, и мама наблюдают за ним, стараясь это сделать незаметно. Он уже спиной чувствовал их взгляды и ему было неудобно. Понятно было, что этот спектакль Людмилины родители устроили ради него. Коля был здесь главным героем, а баскетбольная команда – массовой.

Проходили месяцы учебы и регулярных переходов от спортзала института до станции метро. Людмила как-то раз предложила зайти по пути в книжный магазин и посмотреть новую литературу. В другой раз они зашли в кафе попить кофе. Это стало у них регулярным. Однажды в книжном она купила несколько томов словарей, и Коля взялся донести тяжелый пакет до дома. Впервые они вместе ехали по одной ветке метро. Людмила жила в элитном доме на Фрунзенской набережной. Войдя в дом и подойдя к лифту, Людмила предложила подняться на ее этаж попить кофе – родители будут рады. Но Коля сослался на сильную занятость этим

вечером, попрощался и поспешил в общежитие. Фотокарточка Инночки уже переместилась из внутреннего кармана пиджака в карман рубашки – ближе к сердцу.

Накануне Нового года Людмила спросила Колю, поедет ли он домой? Коля намеревался встретить Новый год с родителями. Двоюродный брат отца Коли жил в Подмосковье и давно приглашал будущего дипломата в гости, но Коле было жаль тратить время на неблизкую дорогу и он откладывал встречу. Тогда брат сделал «дипломатический ход» – пригласил на Новый год Колиных родителей, и Коля вынужден был присоединиться к ним. Но перед самым отъездом простудилась мать и не рискнула в зимнюю стужу покидать дом. Поездка сорвалась. Коля решил Новый год встречать с друзьями в общежитии.

Когда 31 декабря после укороченных занятий, прощаясь на станции метро, они поздравляли друг друга с наступающим Новым годом, Людмила, смеясь, просила передать пожелания Колиным родителям. Коля сказал, что они не приехали. Людмила на секунду задумалась, потом неожиданно подхватила Колю под руку и втолкнула в свой вагон.

Людмилу с Колей встретили на Фрунзенской набережной как на очередном раунде переговоров, результат которых еще не ясен, но уже сейчас все радуются ему! Людмила представила Колю и познакомила с гостями. Некоторые были знакомы – из ректората института, остальные – коллеги Альберта Генриховича из МИДа и соседи-дипломаты по дому. Коля удивился, что среди гостей не было ни одного родственника хозяев. И единственным молодым гостем была подруга Людмилы. Оставив на ее попечение Колю, Людмила извинилась и сказала, что уходит переодеваться. Поднимаясь к себе в комнату, она вспомнила, что еще утром дала себе слово не переодеваться к новогоднему столу.

Только лицо Альберта Генриховича оставалось искусственно равнодушным к появлению Людмилы в сверкающем венецианским хрусталем огромном зале его министерской квартиры. Лицо профессионально скрывало стоимость новогоднего подарка дочери, дополняющего ее наряд – на Людмиле было длинное темно-синее платье с глубоким декольте и открытой спиной, а на шее и в ушах сверкали бриллиантовым блеском крупные камни. Подойдя к Коле, она позволила взять себя под руку и повела его к столу.

Спустя годы, вспоминая свой первый Новый год в Москве, Николай Григорьевич говорил, что это был его первый дипломатический раунд.

Натиск на Колю продолжался, и финальным событием, завершающим официальное знакомство Коли с Людмилиными родственниками, стал день рождения Людмилы.

На свой день рождения Людмила пригласила только тех людей, которых искренне хотела видеть за своим праздничным столом – любимых бабушку с дедушкой, лучшую подругу и Колю. Папа с мамой пришли без приглашения! Было очень шумно и весело, смеялись и пели... Коля танцевал с Людмилой, с ее подружкой, по просьбе Людмилы и с молчаливого согласия Альберта Генриховича – с Кларой Аполлоновной. Он снова вспоминал Веру Георгиевну и их совместную культурную подготовку к поведению в дипломатической среде. В самый разгар веселья, после нескольких рюмок коньяка, Альберт Генрихович, обняв Колю за плечи, предложил пойти покурить. Коля не курил и знал, что Людмилинин папа тоже был некурящим, но не стал долго разбираться в ситуации и последовал за Альбертом Генриховичем. Но тот повел его не на лоджию, а в свой кабинет. Открыв дверь, он пропустил Колю вперед и слегка подтолкнул его в кабинет. Стоя за Колиной спиной, он дал ему осмотреться.

Коля знал толк в хороших книгах. За школьные годы, следуя советам Веры Георгиевны, он прочитал множество произведений русских и зарубежных классиков, был знаком с современными авторами. Но то, что он увидел в кабинете Альберта Генриховича, поразило не только своим содержанием – здесь была профессионально подобрана писательская квинтэссенция от античности и раннего средневековья до современности и наших дней – но и формой, в которую было обрамлено это литературное богатство. Филигранно отделанные резьбой по красному дереву книжные шкафы сами по себе уже составляли произведение столярного

искусства прошлых столетий. В этом же стиле была выдержана вся мебель кабинета – массивный письменный стол с богато отделанными принадлежностями для письма, обтянутые темно-вишневой кожей глубокие кресла, высокий инкрустированный секретер ... Мебель дополняли картины в золоченых рамах на стенах. Хозяин кабинета усадил гостя в удобное кресло, подошел к низенькому столику, на котором стоял поражающий своими огромными размерами глобус, на что-то нажал на экваторе – северное полушарие раскрылось, обнажив потайной минибар. Альберт Генрихович достал бутылку «Мартеля», тяжелые фужеры... Первый тост выпили вновь за здоровье Людмилы, второй – за мир во всем мире, и Альберт Генрихович сразу перешел к делу.

Людмилку – так называл Альберт Генрихович любимую дочь – он устроил в МГИМО единственной целью: найти достойного мужа! За прошедшие три года обучения поиски желаемых результатов не дали. Были отдельные кандидатуры, поначалу казавшиеся достойными, но привередливая, по мнению Альберта Генриховича, Людмила после первых же свиданий решительно их отменяла. Друзья и коллеги Альберта Генриховича считали бы за счастье отдать своих сыновей, но и здесь выбор Людмилку не устраивал.

После третьего фужера за женскую мудрость Альберт Генрихович стал более откровенным. «Конечно, Людмила права, – сказал он. – Она ищет мужа с характером, серьезного, надежного ... А что эти шалопаи – маменькины сыночки, прячущиеся за папенькины спины! Вот она и выбрала тебя. Мне ты тоже начинаешь нравиться, но смотри, этим не злоупотребляй!» и ... Альберт Генрихович налил по четвертой.

Людмила не отпустила в таком состоянии Колю из дома – общежитие МГИМО хотя и не отличалось пуританством, но член комитета комсомола не должен подавать плохой пример. Колю уложили в комнате для гостей.

На следующее утро Коля проснулся в незнакомой комнате, на широченной кровати. На столике рядом лежали чьей-то заботливой рукой уложенные в аккуратный ряд туалетные принадлежности, включая слышанную, но еще не виденную Колей импортную безопасную бритву Gillette. По всему было видно, что рано утром здесь кто-то уже побывал – окно было открыто и зашторено, в шкафу висел его костюм, рядом – рубашка. Но больше всего Колю удивили его ботинки – вчера они блестели менее ярко.

Коля спустился вниз. На кухне уже хозяйничала молодая женщина в белом переднике. Увидев гостя, она поздоровалась и спросила: «Чай или кофе?» Взяв кофейник, она повела Колю в соседнюю комнату-столовую. К Колиному удивлению, за столом, уткнувшись в журнал и держа в руке чашку, сидела Людмила. Часы на стене показывали начало седьмого. Всегда строго одетая в институте или в спортивном костюме в спортзале сейчас на Людмиле были джинсы и тонкая короткая блузка, которые обтягивали тело, отчетливо выпячивая формы ее прекрасной фигуры. Коля пожалел, что фотокарточку Инночки он оставил в общежитии – на новой рубашке не было нагрудного кармана. Наступление продолжалось.

«Доброе утро! – Людмила улыбнулась. – Кто рано встает, тому бог дает! – добавила она. – Как спалось на новом месте?» Пили кофе. Коля извинился, что доставил лишние хлопоты. «Лишнее применимо только к деньгам, – говорит папа. – Но почему-то лишних денег никогда не бывает!» – Людмила рассмеялась. Такой Коля ее никогда не видел. Красивая, жизнерадостная, беззаботная девушка в доме хорошо обеспеченных, влиятельных родителей, желающих только одного – чтобы дочь была счастлива!

Чуть позже к завтраку спустились Альберт Генрихович и Клара Аполлоновна. На обоих домашняя одежда и улыбка на лице. Горничная подала завтрак. Много шутили, смеялись, говорили о погоде на этот день ... Клара Аполлоновна предложила после обеда всем отправиться гулять в парк имени Горького. Муж с дочерью поддержали, и все повернули головы на Колю. Коля смутился, начал говорить о семинаре на завтрашний день ... Альберт Генрихович прервал его, сказав: «Николай, не заставляй меня звонить твоему ректору и отправлять тебя

завтра с утра в МИДовскую библиотеку искать для него – он задумался – второй том переписки Сталина, Рузвельта и Черчилля» – и сам первым рассмеялся своей шутке.

После завтрака дамы вежливо оставили мужчин наедине, и Альберт Генрихович, извинившись перед Колей за то, что вчера заставил его перебрать, предложил продолжить разговор на трезвую голову.

Он сразу задал вопрос напрямую: есть ли у Коли девушка? Коля честно признался. «А что ты ей можешь предложить после окончания МГИМО? – снова спросил Альберт Генрихович, и, не дав Коле ответить, продолжил: – Ты думаешь, что тебя сразу пошлют послом в Америку? Ошибаешься. В лучшем случае – на Берег Слоновой Кости! – с иронией уточнил он. – А если серьезно, пошлют тебя, Николай, комиссаром на погранзаставу в Среднюю Азию, и будешь ты там, глотая пыль, ловить контрабандистов, переводясь с одной заставы на другую и живя в общежитиях, обставленных мебелью с инвентарными номерами – подытожил Колино будущее Альберт Генрихович. – У меня есть возможности, связи устроить вам с Людмилкой достойную жизнь! Или ты считаешь себя недостойным? – И он вопрошающе посмотрел на Колю. – Я считаю, что достоин ... достоин намного больше, чем эти «интеллигенты» из вашего вуза. Это не твоя вина, что твой отец – простой работяга. Ты сам выбиваешься в люди, и тебе надо помочь – один ты не справишься!»

Вечером, возвращаясь в общежитие после прогулки по парку им. Горького, Коля, под впечатлением разговора с Альбертом Генриховичем, честно признался себе: его репутация студента-отличника и режим мирного сосуществования с «интеллигентами» действовали только в стенах института. Вне института, где бушует океан жестокой конкуренции, протекционизма, взяточничества, он – мелкая рыбешка, и крупные акулы беспощадно проглотят его, не обращая никакого внимания даже на его красный диплом.

Людмила предприняла еще несколько нажимов на Колю – они сходили в Большой театр, в театр на Таганке с Владимиром Высоцким, на концерт набирающей популярность «Машины времени» ... и еще туда, куда билеты можно было достать только по большому благу – и Коля сдался ...

Потом было очень горько и стыдно. Стыдно перед Инночкой, которая все эти годы была его единственным преданнейшим человечком, которая любила и ждала его. Стыдно перед Алексеем Карповичем и Верой Георгиевной, которым он был обязан своим воспитанием, образованием – всему тому, чего он достиг за свои двадцать с небольшим лет. Конечно, можно было найти какие-то объяснения и оправдания этому поступку ... но можно было просто бросить МГИМО и продолжить учебу в пединституте, не предавая близких тебе людей ... можно, можно, можно!

Когда Людмила перешла на последний курс, они поженились. На свадьбе Коля очень переживал за родителей, но дипломатичный Альберт Генрихович, заранее подготовив своих друзей, усадил их рядом с Колиными родителями, и после нескольких рюмок они чувствовали себя как в родном райцентре. Выпускные экзамены Людмила сдавала на последних месяцах беременности. Получив диплом, она положила его на свидетельство о браке в ящик своего секретера, заперла его золотым ключиком и отправилась на дачу готовиться к родам. Стоял канун лета – пора урожая овощей и фруктов, очень полезных для будущей матери и ее ребенка.

Людмила родила девочку, которую назвали Анна в честь мамы Альберта Генриховича – Анны Карловны.

Через два года Коля окончил институт. Альберт Генрихович устроил ему распределение в Москву, на Смоленскую площадь, где он стажировался в департаменте восточных, арабоязычных стран. Анечка подросла и пошла в один из привилегированных детских садиков столицы. Оставив дочку на попечение бабушки с дедушкой, Коля с Людмилой отправился в свою первую служебную командировку за границу.

Глава четвертая. Судьба дипломата

Проходили годы, чередовались страны ... В отпуск приезжали в Москву, привозили подарки, в основном дочке, но деньги попусту старались не тратить: Николай Григорьевич мечтал построить собственное жилье в пригороде.

Анечка пошла в школу с углубленным изучением иностранного языка. Одновременно бабушка водила внучку во всевозможные кружки и студии, которые дополняли и совершенствовали ее физическое развитие и эстетическое воспитание. К концу школы она уже хорошо владела английским, умела грамотно рисовать, классически танцевать ... Высокая и стройная, как и родители, играла в сборной по баскетболу. Окруженная любовью и вниманием бабушки и дедушки, не знающая никаких забот и отказов, Анечка, тем не менее, была обделена обыкновенной материнской лаской и нежностью, отцовской строгостью и защитой. Отсутствовало элементарное обоюдное чувство доверия. Редкие в году встречи с родителями часто совпадали с ее каникулами в пионерском лагере «Артек», со школьной поездкой по обмену в Лондон, с иногородними и даже международными юношескими соревнованиями по баскетболу ... А если и удавалось провести отпуск в кругу всей семьи, то родители, к большому огорчению, констатировали, что пропасть отчуждения между ними и дочерью каждый раз становилась все шире и шире. В итоге результатом школьной поры в воспитании дочери и внучки было молчаливое признание превалирования разума над чувством.

После школы Анечка без труда поступила на международную журналистику в МГИМО и была причислена к «интеллигентной» элите. Ее знания и умения, приобретенные в немалой степени благодаря стараниям бабушки и дедушки, помноженные на ее твердый характер, дали хорошие плоды – Аня не только нарушила прерогативу парней, став признанным лидером «интеллигентов», но, в первую очередь, стала талантливым журналистом-международником. Поэтому после окончания вуза ее охотно взяли в аспирантуру.

За годы дипломатического представительства за рубежом, в основном в странах арабского мира – в Северной Африке и на Ближнем Востоке, Николай Григорьевич был свидетелем многих исторических событий, которые коренным образом изменили жизнь этих регионов.

Освободительные революции в арабских странах, свержение колониальной зависимости, установление парламентских республик, демократические социально-экономические преобразования при многообразии интересов различных социальных групп ... усугубленные стремлением ведущих мировых держав укрепить свои позиции в этом стратегически важном регионе – все это делало политическое развитие этих стран очень противоречивым и переменчивым. Неудивительно, что за относительно короткий исторический срок здесь много раз сменились политические режимы и курсы. Обстановка, в которой Николай Григорьевич представлял свою страну, оставалась постоянно крайне напряженной.

На Ближнем Востоке раздел Палестины, освободившейся от английского управления, и создание еврейского государства Израиль вызвали палестино-израильский конфликт, обусловленный, в первую очередь, столкновением территориальных интересов евреев и арабов, проживающих в Палестине. Со временем конфликт вышел за пределы Палестины и перерос в конфликт между Израилем и всеми остальными арабскими государствами в регионе.

Николай Григорьевич был членом советских делегаций при подготовке и подписании договоров о сотрудничестве с целым рядом арабских стран. На протяжении многолетнего периода принимал непосредственное участие в переговорах по урегулированию ближневосточного конфликта ... не раз встречался со многими политическими лидерами этого региона – Гамалем Абдель Насером, Анваром Садатом, Хосни Мубарак, Менахемом Бегиним ...

Длительное пребывание в регионах политической напряженности и открытых вооруженных столкновений вкупе с неблагоприятным жарким климатом не могли не сказаться на здоровье, особенно Людмилы Альбертовны – верной спутницы Николая Григорьевича во всех его зарубежных командировках. После многолетней работы за рубежом Николай Григорьевич и

Людмила Альбертовна решили возвращаться домой. Альберт Генрихович перед выходом на заслуженный отдых заблаговременно позаботился о достойном преемнике.

Дипломатическую службу на Смоленской площади Николай Григорьевич продолжил в то время, когда в мире уже произошли события, заложившие начало величайшим геополитическим изменениям.

В условиях мировых экономических структурных кризисов и новой фазы научно-технической революции социалистическая модель развития стала проявлять свою неэффективность. В странах социалистического лагеря к власти стали приходить люди, ориентированные на западные демократические ценности, они не хотели иметь ничего общего с тоталитарными режимами. Первой взбунтовалась Польша, за ней Венгрия, Чехословакия... Вооруженные восстания и мирные попытки перехода к демократическому социализму подавлялись или непосредственно Советской армией или при ее активном участии. В самом Советском Союзе начинают проявляться признаки общего экономического и внешнеполитического кризиса. В конце 1980-х годов доходит до максимума главная проблема советской экономики – хронический товарный дефицит – из свободной продажи исчезают практически все основные товары. Положение усугубляется одновременным усилением давления на СССР и его союзников со стороны США, которые поддерживали противников социалистической системы. Все это стало причинами распада социалистической системы.

События, происходящие в мире и внутри страны, были также темой разговора двух старых друзей в беседе на даче в тот день, когда отмечали поступление Светланы в МГУ. Но главное, для чего Николай Григорьевич увел Семена Илларионовича подальше от дам – облегчить душу. Все эти годы незаживающей раной его мучило воспоминание об Инночке, о его предательстве. Для этого поступка он уже не находил никакого оправдания. Супруга понимала, что творится на душе мужа, но никогда даже не пыталась чем-то помочь ему. В душе она признавала свою вину, но считала, что Коля сам сделал свой выбор. Семен Илларионович регулярно информировал друга об Инночкиной жизни, и Николай Григорьевич знал, что после окончания института она учительствовала в родной школе, так и не вышла замуж и жила вместе с престарелыми родителями в их старом большом доме. Младшие братья уже давно обзавелись своими семьями и жили отдельно от родителей. Николай Григорьевич хотел посоветоваться с Семеном Илларионовичем: что делать? Хотя уже давно решил для себя: исправлять ошибку!

Глава пятая. Новоиспеченная москвичка

Светлана осваивалась в новой квартире, ходила по магазинам, докупала ту или иную мелочь... Вечерами болтала по телефону с Аней, правда, ни разу не затрагивая тему того разговора на даче, хотя задать вопросы ей хотелось. Аня работала в правительственном издательстве. Несмотря на молодость и небольшой стаж, считалась талантливым журналистом-международником и принадлежала к узкому кругу людей, имеющих доступ ко многим закрытым источникам информации. В любой момент она могла выехать практически в любой уголок Земли, где происходило событие, достойное отображения в ее издательстве, поэтому Светлана доверяла правдивости и объективности ее суждений.

Наступила осень и вместе с ней начались занятия в университете. Лекции сменялись семинарами, затем учеба продолжалась дома. По пути домой – поход в библиотеку для смены литературы. Приходилось перерабатывать обширный материал лекций и немалое количество специальной литературы, чтобы хорошо подготовиться к занятиям. Светлана, со школьной скамьи привыкшая к самостоятельной работе, усидчивая и трудолюбивая, перечитавшая гору исторической литературы, с большим напряжением осиливала эту нагрузку. Со слов старших курсников, первый курс – самый трудный. Он вырабатывал ритм дальнейшей учебы и отсеивал негодных. С каждым новым курсом выкристаллизовывался тот костяк, который составлял выпускников престижного исторического факультета МГУ.

Светлана успешно закончила первый семестр и на зимних каникулах собиралась домой, но родители посоветовали остаться в Москве и посвятить свободное время культурной программе. Она так и решила – ходила по театрам, в музеи, побывала даже в цирке на Цветном бульваре ... Аню она не приглашала, зная, что подруга всегда занята. Поэтому она была очень удивлена, когда Аня позвонила и сказала, что хочет встретиться. Договорились – в ГУМе, у фонтана.

На следующий день, придя в ГУМ немного раньше, Светлана любовалась игрой водяных струй фонтана, ожидая подругу. Неожиданно она ощутила на себе чей-то взгляд. На противоположной стороне стоял молодой мужчина в редкой для того времени дубленке и меховой шапке. Рядом с ним в дорогой шубе и повязанном на шее пестром шарфе, держа за руку мальчика, стояла молодая красивая женщина. Женщина что-то говорила мужчине, но тот смотрел на Светлану, и когда их взгляды встретились, слегка кивнул ей. Мальчик тоже смотрел на Светлану и улыбался. Моментально в памяти Светланы промелькнули события прошлого лета – вечер на окраине села, красивый незнакомый парень, мальчишка с лошадьми ...

«Ты что разглядываешь незнакомых мужчин... к тому же женатых!» – послышался голос Ани. Она рассмеялась, взяла Светлану за руку, и подружки отошли от фонтана.

Аня намеревалась купить для папы рубашку и галстуки – у него близился день рождения. Николай Григорьевич доверял вкусу дочери, что не раз отмечали его коллеги по работе. Выйдя из ГУМа, Светлана вспомнила, что хотела напомнить Ане последний разговор на даче. Они решили поискать, где можно сесть и поговорить – был теплый и солнечный день, хотя на дворе стояла зима. Пройдя через переход на метро «Площадь революции», они вышли к Большому театру и нашли на площади свободную скамейку.

Аня повторила Светлане примерно то же самое, о чем разговаривали их отцы в беседке на даче, но добавила более обширный прогноз международного положения. Распад социалистического лагеря негативно скажется на внутривосточном и экономическом устройстве Советского Союза – Союз может тоже распасться. Прекращение существования СССР вызовет распад биполярного мира и формирование униполярной парадигмы мироустройства при глобальном доминировании США. Последнее предложение Аня сформировала в официальном письменном стиле, как будто собиралась писать статью в редакцию. «Но для меня сейчас не это главное, – добавила Аня, тяжело вздохнув. – Я предчувствую, что вскоре распадется наша семья!»

День рождения Светланы совпадает с днем святого Валентина. В то утро она опаздывала в университет, потратив время на выбор костюма – что надеть в этот день? После занятий собирались отметить ее восемнадцатилетие с несколькими сокурсниками в кафе. Открыв дверь, она устремилась на выход, но путь ей преградила высокая плетеная ваза, наполненная алыми розами. В цветы была вложена маленькая валентинка. «Ну это уж слишком!» – сказала про себя Светлана, вспомнив счастливую пару с ребенком в ГУМе у фонтана. Решительно схватив цветы вместе с вазой, она отправила чудесный букет в мусоропровод.

Светлана успешно закончила первый курс и на лето уехала домой. Дома помогала маме закручивать варенья и соленья, ходила на речку купаться и загорать, читала свою любимую историю ... В конце августа она возвратилась в Москву. На вокзале вновь пришлось помучиться с тяжелой корзиной.

В первую же неделю занятий Светлану вызвал декан. В кабинете уже находились девушка и парень – сокурсники Светланы. Девушка была коренной москвичкой. Парень – в костюме и галстуке, с комсомольским значком на лацкане – комсорг курса – с Украины, из шахтерской семьи. Немного чудной: на курсе говорили, что он красил свои редкие рыжие волосы. Декан сообщил неожиданную новость: «По международному обмену студентов двое из вас со следующего, третьего, курса направляются на четыре года на полный курс обучения в ГДР, в Берлин, в университет им. Гумбольдта. Один из вас – запасной. Сейчас ваша основная задача –

немецкий язык!» Светлана сразу поняла: поедут комсорг и одна из девушек. Значит, у нее конкурентка. В школе Светлана изучала английский, которым хорошо владела. Немецким она занималась дополнительно с соседкой-учительницей. Второй язык даже внесли по настоянию папы в аттестат зрелости, но знала она его недостаточно хорошо, чтобы свободно общаться. И без того учебная нагрузка на втором курсе увеличилась, и вот теперь нужно в течение года совершенствовать немецкий язык. Светлана решила посоветоваться с родителями, но прежде – с Аней.

Когда они встретились и Светлана сообщила новость, Аня даже подпрыгнула и захлопала от радости за подругу в ладоши. «Немецкий я беру на себя! – заверила она подругу. – Я тебе сделаю пропуск в лингафонный кабинет дипломатической академии и достану спецкурс по подготовке из МГИМО». Аня пообещала еще свой магнитофон, чтобы Светлана могла заниматься дома.

Родители встретили новость двояко. С одной стороны, папа считал, что дочь должна воспользоваться каждой возможностью посмотреть мир, к тому же за счет государства. Но с другой стороны, престижность советского, Ломоносовского университета он оценивал выше, при этом мудро учитывая тот фактор, что работать после зарубежного университета Светлане предстоит на родине. Для мамы самым важным фактором было, что дочь еще дальше и дольше будет от дома.

Для Светланы начались напряженные дни: каждый день, помимо занятий в университете и подготовки к ним, добавлялся немецкий язык. К концу дня у Светланы болели глаза от напряженного чтения и уши – от наушников. Однажды, услышав уставший голос дочери в трубке телефона, Семен Илларионович решил, что дочери надо срочно помогать и отправил в Москву, в длительную командировку, супругу, снабдив ее двумя корзинами.

Закончился второй курс. За это время деканат определился с кандидатурами. Как и ожидала Светлана, на учебу в Берлин посылали комсорга, а второй кандидатурой назвали Светлану. Их обоих вызывали на собеседование в Министерство высшего и среднего образования СССР, где они познакомились с другими членами команды, выезжающими в Берлин. Собрались студенты со всего Союза – из Москвы, Горького, Казани, Иркутска, Пятигорска, Тарту. После собеседования всех собрали в небольшом помещении, где сотрудник спецотдела министерства провел с ними беседу наподобие «Инструкции перед поездкой за рубеж» Владимира Высоцкого – «... что там можно, что нельзя».

В первых числах сентября вся группа, провожаемая родителями, за исключением родителей ребят из Эстонии, поздним вечером собралась на Белорусском вокзале столицы. После пожеланий, наставлений и слез будущие выпускники Гумбольдтского университета сели в вагон СВ-класса, и скорый поезд Москва – Берлин, взяв курс на Запад, повез Светлану в первый раз за границу.

Глава шестая. Berlin. Franz-Mehring-Platz

Поезд прибыл в Берлин на Ostbahnhof (Восточный вокзал). После московских вокзалов первое впечатление о столице ГДР было удручающее: крыша вокзала в гари, красные кирпичные стены со следами осколков от снарядов и пуль, высокие окна с недостающими стеклами ... Сам перрон, куда прибыл международный поезд, тоже не блистал чистотой. На перроне группу встречал молодой парень в синей рубашке FDJ (Freie Deutsche Jugend – Союз свободной немецкой молодежи), который неплохо говорил по-русски.

Вся группа отправилась в общежитие университета, которое располагалось неподалеку от вокзала на Franz-Mehring-Platz (площадь Франца Меринга) в двух четырнадцатизэтажных зданиях. Общежитие было обыкновенным жилым домом современной постройки с восемью двух- и трехкомнатными квартирами на каждом этаже, именуемыми «блоками». По обоим концам длинного коридора размещались кухни с электрическими печками. Мусоропровод рас-

полагался на переходах между этажами. Два лифта вмещали по 12 человек каждый. Комендант общежития фрау Ланге уже получила из Москвы список прибывающих студентов и предварительно разместила каждого, учитывая, прежде всего, членство в FDJ и затем факультет, семестр, возраст немецкого коллеги, к которому подселся гость из Советского Союза. Водя советских гостей из блока в блок, она каждому показывала, как включается свет в комнате и вежливо просила выключать перед уходом. В туалетной комнате откручивала и закручивала водопроводные краны, обращая внимание пользователей на силу закрутки. Потянула за ручку унитаза, продемонстрировав мощность водяного потока в зависимости от вытягиваемости ручки. Просила плотно закрывать дверцу холодильника. На кухне фрау Ланге просила обратить особое внимание на электрические печи, предварительно спросив, имеются ли такие в Советском Союзе или там по-прежнему пользуются только газовыми. После подробнейшего инструктажа по правилам пользования жизненно опасным электрическим прибором каждый расписался против своей фамилии в списке. В заключение обхода фрау Ланге повела гостей к мусоропроводу и, подняв крышку, вопросительно посмотрела на всех. Возникла напряженная пауза. Леонид-хохмач достал из кармана шариковую ручку, готовый расписаться... Все разом рассмеялись.

Вся группа расселилась на одиннадцатом этаже. Светлану определили в трехкомнатный блок, в большую комнату с двумя двуярусными кроватями. В других комнатах поменьше стояло по одной двуярусной кровати. Коллегами Светланы по комнате стали студентки факультета славистики – Хайди и Карола.

Началась новая жизнь на новом месте, и Светлана, впрочем как и все приехавшие из Союза студенты, столкнулась с элементарными житейскими проблемами, о которых она раньше и не думала. После занятий хотелось сразу поесть. В университете была студенческая Mensa (столовая), в которую необходимо было купить талоны на месяц вперед. Талоны продавались в определенные дни и часы, которые могли совпадать с занятиями. Когда Светлана в первый раз вошла в мензу, она ужаснулась от огромного количества людей и шума, царящих в зале. Менза находилась на первом этаже главного корпуса и через нее можно было пройти в боковой выход из здания – проходной двор! Отстояв длиннющую очередь, ей вручили большую керамическую миску с густой желтой жижей под названием гороховый суп, в которой плавала толстая сосиска, и стакан пепси-колы. С трудом найдя свободное место, Светлана только понюхала жидкое блюдо, затем откусила кусочек от сосиски, выпила всю колу и отнесла поднос на мойку. Свои талоны она подарила и больше в мензу никогда не заходила. Для профессорско-преподавательского состава существовала своя менза, и для советских студентов сделали исключение, позволив там обедать, но и там пища была не для русских желудков. Проблему нужно было срочно решать. Поговорили с куратором в советском посольстве, и нашим студентам разрешили посещать посольскую столовую. Там был вкусный борщ и суп и вся остальная привычная пища. Было приятно вместе с дипломатами сидеть за одним столом и из меню заказывать блюда, но после первых же посещений Светлана посчитала, что это удовольствие она каждый день позволить себе не может, несмотря на довольно большую стипендию – советские студенты получали 510 марок ГДР в месяц. Стипендия успевающего немецкого студента составляла 180 марок. Тогда вместе с Марией из Горького, с которой Светлана жила в одной комнате, решили поочередно готовить сами, а с собой в университет делать бутерброды. Но и здесь не обошлось без неудобств. Запах вкусной русской пищи, приготавливаемой на общей кухне общежития, распространялся по всему коридору и вызывал любопытство немецких коллег – не стесняясь, заглядывали прямо в кастрюлю. Какой русский может есть в одиночку, не пригласив к столу соседей по комнате! Немцам это понравилось, и Хайди вместе с Каролой охотно отзывались на приглашение, несмотря на то, что недавно были в мензе. Часто «случайно» заходили из соседних комнат и блоков. Кастрюля, приготовленная на два – три дня,

опустошалась за один присест! Пришлось переставить в комнате мебель и демонстративно отгородиться от соседей – другого выхода не было.

В блоке была одна единственная совмещенная туалетная комната. Представьте себе восемь молодых девушек, рано утром одновременно просыпающихся и спешащих на учебу! Пришлось составить график посещаемости туалета, расписанный буквально по минутам. Проблематично было со стиркой и сушкой. Приходилось заниматься этим в редкие часы, когда никого в блоке не было или поздно ночью, мешая другим спать. Светлана в эти моменты часто вспоминала дом и свою квартиру в Москве.

Ко всем этим житейским неудобствам быстро привыкали, но главное, они компенсировались искренней доброжелательностью и даже заботой со стороны преподавателей и коллег-студентов из шефской группы славистов, прикрепленных к советским гостям.

За первые семестры для советской группы во главе с преподавателем немецкого языка Frau Koritzky университетом было организовано множество экскурсионных поездок по всей стране. После каждой поездки Светлана подробно рассказывала в письмах к родителям о своих впечатлениях.

Дрезден – «Флоренция на Эльбе» со знаменитой картинной галереей, где выставлена «Сикстинская мадонна»; музеем «Грюнес гевелбе» («Зеленые своды») – сокровищница курфюрстов Саксонии с подарком Петра I – белым саксонским бриллиантом в 48 каратов; русской православной церковью преподобного Симеона Дивногорца.

Лейпциг – город знаменитой Лейпцигской ярмарки (Leipziger Messe), проводящейся ежегодно с XII века. Вблизи города расположен Памятник Битве народов – самый большой монумент в Европе, воздвигнутый в 1911 году в честь победы объединенных сил прусской, австрийской, русской и шведской армий над войсками Наполеона. В старом центре города – винный погребок Ауэрбаха, упоминаемый в «Фаусте» Гете, откуда Мефистофель улетает верхом на бочке. В церкви св. Фомы до сегодняшних дней существует знаменитый хор мальчиков, организованный еще в 1212 г. С 1723 года хором руководил Иоганн Себастьян Бах.

Мейсен – со старинным замком и знаменитой фарфоровой мануфактурой эпохи Возрождения, производящей продукцию и сегодня.

Потсдам – пригород Берлина, кайзеровская резиденция с дворцовым комплексом и парком «Сан-Суси» («Без забот»); с русской колонией «Александровка» в честь императора Александра I, построенной еще в 1826-27 годах для оставшегося русского солдатского хора.

Вернигероде – со старинным замком начала XII века. В этом замке снимался фильм «Тот самый Мюнхгаузен».

Веймар – город Гете, Шиллера, Гердера, Ницше, центр Просвещения Германии. Близ Веймара располагался один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии – Бухенвальд, на главных воротах которого написано «Jedem das Seine» («Каждому – свое»).

Росток – порт и центр судостроения, член мощного альянса торговых городов XIV – XVI веков «Hansa», в который входил и наш Великий Новгород.

Безусловно, главной достопримечательностью страны является столица – Берлин. Согласно самой распространенной версии, название города произошло от немецкого слова «медведь» (нем. Bär). Примерно с 1280 года медведь является символом Берлина. А самой главной достопримечательностью Берлина считают Бранденбургские ворота с квадригой, которой управляет богиня победы Виктория. От Бранденбургских ворот к центру города пролегает главная улица Unter den Linden (Под липами). Здесь находятся советское посольство, Государственная опера, Исторический музей, Кафедральный собор, Национальная галерея, рядом, меж двух рукавов реки Шпрее – остров музеев, университет им. Гумбольдта, театр им. Горького, Дом советско-германской дружбы... В центре столицы возвышается 368-метровая телебашня с телекафе.

Это только крупные города-достопримечательности, о которых рассказывала Светлана. Родителей интересовали каждое событие, каждая мелочь, связанные с пребыванием дочери в чужой стране. В переписке с Аней она больше внимания уделяла положению в стране, настроению в студенческой среде, отношению к русским...

До университета добирались от Восточного вокзала на электричке через центр города Alexanderplatz или Alex, как его называют берлинцы (Площадь Александра, названная в честь русского императора Александра I, посетившего Берлин в 1805 году), до конечной станции Friedrichstrasse (улица Фридриха). Здесь железная дорога упиралась в знаменитую Берлинскую стену вокруг Западного Берлина – государственную границу между ГДР и Западным Берлином – протяженностью 155 километров, возведенную за одну ночь 13 августа в 1961 году.

Занятия проводились в главном корпусе университета на Unter den Linden и в аудиториях «Старой королевской библиотеке», прозванной за свой громоздкий вид «комодом», расположенной напротив университета на Bebelplatz (Площадь Бебеля). На этой площади в мае 1933 года нацисты сожгли более двадцати тысяч книг «антинемецких» авторов – Карла Маркса, Зигмунда Фрейда, Генриха Манна, Курта Тухольского ...

Университет имени Гумбольдта, точнее имени братьев Гумбольдтов, был основан в 1809 году старшим братом Вильгельмом фон Гумбольдтом – знаменитым немецким филологом, философом, политическим деятелем, дипломатом, другом Гете и Шиллера. Университет стал alma mater для многих выдающихся личностей – Альберта Эйнштейна, Макса Планка, Отто Гана, Роберта Коха, Генриха Гейне, Отто фон Бисмарка, Карла Маркса ... Младший брат Вильгельма – Александр фон Гумбольдт был ученым-энциклопедистом, физиком, метеорологом, географом, ботаником, путешественником. По приглашению русского императора Николая I совершил путешествие по Уралу и Сибири, исследуя геологию этих мест. В 1949 году университет был переименован в честь братьев Гумбольдтов.

Кроме учебы у всей группы была очень ответственная комсомольская общественная нагрузка – встречи на берлинских предприятиях с членами первичных организаций DSF (Deutsch-Sowjetische Freundschaft – Общество германо-советской дружбы). Как правило, встречи начинались с выступления председателя общества, который представлял присутствующим студентов из братской страны – Советского Союза, лучших представителей советской молодежи, которые своей отличной учебой и активной комсомольской деятельностью заслужили почетное право продолжить учебу в братской стране ГДР. Затем «лучшие представители» выступали с культурной программой – пели песни под аккомпанемент аккордеона, которым виртуозно владел Леонид из Иркутска – единственный молодой член КПСС из группы. В программу выступления обязательно включали популярную песню «Надежда». Она стала со временем своеобразной визитной карточкой «ансамбля». Иногда удавалось установить контакт с аудиторией уже во время выступления, и из зала подпевали всему миру известные «Катюшу» и «Подмосковные вечера». После песен подсаживались за столы и пытались установить индивидуальный контакт с немцами – рассказывая о себе, о стране, об ударных стройках с участием комсомола... Это не всегда сразу получалось. Для этой цели на столе рядом с традиционными кофе, минеральной водой или кока-колой всегда стояла бутылка водки. Единственной закуской были соленые палочки. После нескольких рюмок, как правило, немецкие языки развязывались, и тогда нередко песни звучали и за столом.

Однажды группу пригласили на окраину Берлина. По всему было видно, что предприятие было несолидное – плохо освещенное помещение, старая мебель, угрюмые лица за столами. Группа отработала программу, расселась за столами, но контакт никак не налаживался. Угрюмые лица охотно принимали дармовую водку и продолжали молчаливо сидеть. Труднее всего приходилось нашим парням, которые вынуждены были хоть через раз, но поддерживать компанию. Председатель общества, видя, что ситуация осложняется, и у советских друзей может сложиться негативное впечатление о дружбе его предприятия с Советским Союзом, встал и

начал повторять то, что говорил в самом начале встречи – о важности дружбы между советским и немецким народами, о решающей роли СССР в укреплении социализма, о скором крахе капитализма ... Сидящий напротив Светланы немец выпил еще одну рюмку и сказал на берлинском просторечье: «Der quatscht dummes Zeug, Russlandfreund ... kuckt aber nach drüben». («Этот мелет ерунду, друг России ... а сам смотрит на Запад») Возвращаясь в общежитие, Леонид спросил: «А вы знаете, где мы сегодня были? У мусоросборщиков». Светлана поняла, что этим людям нечего было терять, и они говорили правду. Это была мелочь не для письма родителям, скорее – для Ани.

Леонид, или как его называли близкие друзья – Сигизмунд, был непререкаемой душой группы. Выходец из Сибири, он привез в Берлин здоровый нрав и радушный характер. Там, где он появлялся, сразу слышался смех, а порою хохот. Он, наверное, играл на всех музыкальных инструментах, которые попадались ему под руку. По крайней мере, за время учебы Светлана была свидетелем его мастерства на аккордеоне, фортепьяно, баяне и гитаре. Забегая далеко вперед, в послеуниверситетское время, Светлана слышала, что Леонид своим «шармом» сперва завоевал душу будущей тещи и лишь затем – сердце жены. Леонид был председателем Интернационального союза студентов университета. Его знал каждый студент из Советского Союза, обучающийся в вузах ГДР, и очень многие русскоговорящие в Берлине.

Незаурядным самородком оказался Вадим Б. Выросший в глуши Кировской области, среди поселений и лагерей, он неохотно расставался с привычным образом жизни и поначалу не вписывался в окружающие нормы поведения. Он мог лечь спать, не снимая одежды. Месяцами ходил в университет в одном и том же наряде. На занятиях спортом на Берлинском стадионе, где в 1951 году проводился Международный фестиваль молодежи !!!, бегал в обыкновенных брюках и ботинках. Шокируя немцев по блоку, стучал острием ножа по столу между растопыренными пальцами. Пил водку, держа стакан одними зубами и затем разгрызал стеклянный стакан, не порезав губы. Светлана удивлялась: как он мог вообще попасть за границу? И неужели за два года обучения в горьковском институте не обратили внимание на его странное поведение! Однако со временем она стала понимать, что это «нестандартное» поведение было своеобразным вызовом немецким правилам пребывания в общежитии, упорядоченным нормам в окружающей среде, всему цивилизованному миру вообще за то, что его лишили нормального детства, правильного воспитания, систематического школьного образования... Вадим рассказывал, что в поселковой школе после занятий в старших классах он сам становился учителем в младших, и это было там нормой! Тот же Вадим в «неспортивном костюме» на престижном стадионе показывал лучший результат в беге на большие дистанции. Его выступления на семинарах отличались очень глубоким знанием материала. Он хорошо знал немецкий и английский, как хобби занимался шведским. Подыгрывая себе на гитаре, пел все песни Высоцкого. Помнил все песни из советских фильмов. Мог на спор рассказать анекдот на любую тему ... На выпускной вечер Вадим написал весь сценарий и каждому участнику в отдельности текст выступления в стихах на немецком языке. Светлане Вадим напоминал Фросю Бурлакову из известного фильма «Приходите завтра». Умная и интеллигентная Мария пыталась «перевоспитать» Вадима, но у нее ничего не получилось.

Особняком держалась пара из Эстонии – Карл Л. и Криста Т. Карл был из академической семьи и приехал в Берлин исключительно за знаниями. Как не пытались «вовлечь» Карла в общественную жизнь группы, он всячески сопротивлялся. Будучи комсомольцем, он пропускал комсомольские собрания в посольстве, а если редко и присутствовал, то, не стесняясь, зевал. Погруженный вечно в книги в университетской библиотеке – дома ему не давали спокойно заниматься – Карл единственным отвлечением от учебы считал дзюдо и в этом тоже преуспел. Все удивились, когда на последних семестрах прибалтийский рыцарь Карл на общих симпатиях к шведскому языку сошелся с тихой, худенькой Ниной из Казани.

Криста в родном Тарту была членом горкома комсомола – единственным комсомольским чиновником из группы, и еще в Москве на собеседовании в Министерстве образования ее рекомендовали в комсорги группы. По прибытии в Берлин Криста позабыла о своем комсомольском прошлом. Но в отличие от Карла, учеба ее интересовала мало, часто неделями она вообще отсутствовала на занятиях, куда-то уезжая из Берлина. Зато Криста была завсегдаем университетских диско. Несмотря на «несерьезное» отношение к учебе, она успешно окончила университет.

Учеба за границей давалась не всем. Люда Л. была хорошей студенткой в родном институте дома, но в Берлинском университете с большим трудом высказывала свою мысль на немецком языке: немецкий ей не давался. Добросовестная и усидчивая, часами просиживая над книгами и твердо усвоив «Инструкцию перед поездкой за рубеж», Люда недоумевала, когда сидя в кинотеатре, следя за происходящим на экране и понимая каждое слово, не понимала: над чем смеется весь зал? После первых летних каникул в Берлин Люда вернулась женой: дома вышла замуж за танкиста. Людин папа, командир полка, сделал перевод зятя на службу в Карлсхорст – пригород Берлина, где дислоцировалась танковая бригада ГСВГ (Группа Советских Войск в Германии). По выходным Сережа, переодевшись в гражданское, часто приезжал в общежитие, прихватив для знакомства «боевой заряд». Вместо того, чтобы проводить ограниченное время увольнения с молодой супругой, он проводил время за «знакомством» с нашими ребятами и нередко, забыв, что он не в казарме, посылал самого молодого в буфет на Восточный вокзал за дополнительным «зарядом». Кончилось тем, что Люда бросила университет и заканчивала учебу дома. Сережу вернули на прежнее место службы.

Самым молодым в группе был славный сын татарского народа Талгат Ш. Скромный и застенчивый парень, он был любимцем группы. В ансамбле он пел под гитару песни о своей любимой девушке, оставшейся в родной Казани.

К сожалению, случались происшествия, которые омрачали пребывание наших студентов в ГДР. Одно произошло, когда Светлана училась на одном из старших семестров, и из Союза приехали уже новые группы студентов.

Однажды поздно ночью наши ребята пешком возвращались из кинотеатра «Kosmos», который находился в центре, недалеко от Alexanderplatz. В этом кинотеатре по пятницам, начиная с 23 часов, демонстрировались многочасовые фильмы, как правило, удостоенные «Оскара» или других престижных кинопремий. Несмотря на поздние сеансы, зрительный зал всегда был полон. Чтобы сократить дорогу в общежитие, ребята пошли не по центральной Karl-Marx-Allee, а напрямик, между жилыми домами. В одном из них на первом этаже располагалась пивная забегаловка, открытая день и ночь. Когда ребята были уже вблизи заведения, из дверей вышел, пошатываясь, пьяный мужчина, поддерживаемый женщиной в таком же состоянии. Не стесняясь, мужчина здесь же на месте стал справлять свою нужду. Наши девушки отвернулись. Омерзительность картины дополнялась тем, что пьяная женщина помогала своему спутнику в этом процессе. Наши парни громко высказали свою оценку этому, неожиданному в культурной стране, действию, тем более в присутствии других людей. Услышав русскую речь, пьяный заорал на всю улицу: «Russische Schweine ... weg mit eurer Armee aus Deutschland!» («Русские свиньи ... прочь вместе с вашей армией из Германии!») Все дальнейшее произошло очень быстро: наши парни избili оскорбителя до такой степени, что позднее в больнице у него констатировали частичную потерю зрения. Если бы среди наших парней не находился сын члена ЦК КПСС, первого секретаря крайкома партии одной из союзных областей, то, в лучшем случае, уже на следующий день они сидели бы на своих чемоданах на Восточном вокзале в ожидании поезда на Москву, где решалась их дальнейшая судьба. А в худшем случае, они тоже сидели бы, но в другом месте, не покидая ГДР. Вмешалось советское посольство, и дело замяли, хотя парни по-своему были правы – защищали честь и достоинство наших девушек и Советской Армии.

В ГДР с гастролями приезжали многие популярные вокально-инструментальные ансамбли. В Берлине они часто выступали в Доме германо-советской дружбы, который находился рядом с университетом. Однажды там давала концерт Эдита Пьеха. Когда Светлана вместе с друзьями вошла в зал, он был уже переполнен, в основном нашими соотечественниками, но среди них были и любители русского искусства из немцев. По обеим сторонам вдоль стен тоже стояли желающие послушать песни популярной исполнительницы. Светлане пришлось пройти вдоль стены прямо к сцене. Начался концерт. Пьеха, как всегда, выглядела великолепно. После каждой песни зал взрывался аплодисментами, и концерт для большинства аудитории превращался не просто в успешное выступление любимой артистки, а во встречу с кусочком Родины, с родным домом, тем более лирический репертуар артистки вызывал чувство ностальгии. После того, как стихли очередные аплодисменты, Пьеха обратилась к залу и сказала, что следующую песню хочет спеть с кем-нибудь из зала и, спустившись со сцены, подошла с микрофоном прямо к Светлане, стоявшей с самого края. И прямо здесь, среди переполненного зала, Светлана вместе с Эдитой Пьехой, которая слегка прижала ее к себе, в один микрофон запели: «Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость ...»

Заканчивался первый семестр, и на рождество все общежитие уезжало домой. Светлана тоже Новый год встречала вместе с родителями дома, привезла из-за границы кучу подарков. Вовка получил давно желаемые джинсы. Мама, увидев похудевшую дочь, всплеснула руками и все оставшиеся дни коротких каникул усиленно откармливала Светлану. В обратную дорогу Светлана, конечно, корзину не везла, но ее чемодан был нелегкий.

Свое двадцатилетие Светлана отмечала в общежитии, заранее хорошо подготовившись к юбилейному дню рождения. Папа дома собственноручно положил в ее чемодан советское полусладкое шампанское, водку и коньяк и некоторые домашние деликатесы, которые, как он всегда говорил, «в никаких заграничах не купишь». В Карлсхорсте, в гарнизонном магазине, она заказала шашлык. В условиях общежития вместе с Марией они испекли огромный торт и украсили его двадцатью разноцветными свечками.

В тот день, возвращаясь пораньше из университета, чтобы накрыть стол, Светлана привычно прошла мимо дежуривших внизу общежития студентов, намереваясь успеть в ожидавший ее лифт, но ее окликнули и попросили показать пропуск. Светлана удивилась. Все проживающие в общежитии давно знали друг друга, по крайней мере, в лицо. Светлана тоже не раз была дежурной. Посмотрев ее пропуск и прочитав персональные данные, дежурный, тем не менее, спросил:

– «Bist du Swetlana aus 117?» («Ты Светлана из 117-го?»)

– «Ja, genau!» («Да, точно») – ответила Светлана. – «Stimmt was nicht?» («Что-то неверно?»)

– «Nein, nein, alles ok! Hier gibt's was für dich». («Нет, нет, все ок! Тут кое-что есть для тебя»).

Дежурный улыбнулся, открыл дверцу шкафа, и на свет появился огромный букет роз. Светлана ахнула от неожиданности. Дежурный отряхнул капающую с длиннющих ножек цветов воду и вручил букет ошарашенной Светлане.

– «Heute früh geliefert. Ich habe die Blumen ins Wasser gestellt, damit sie frisch bleiben. («Сегодня утром доставлены. Я поставил цветы в воду, чтобы они оставались свежими»), – доложил Светлане дежурный. – Und meine besten Wünsche zu deinem Geburtstag!» (И мои наилучшие пожелания к твоему дню рождения!»)

На этот раз Светлана не отправила замечательный букет алых роз в мусоропровод: «Пусть украшает стол!» – решила она.

Приглашенные на день рождения обращали внимание, конечно, прежде всего на дорогие цветы, хотя и стол был богато уставлен закусками и напитками не из местного магазина. Накрыв такой стол, Светлана постаралась закрепить за собой репутацию славной дочери Кавказа, о которой ей постоянно напоминали. Особое впечатление цветы произвели на немецких

девушек, признавших себе, что их бойфренды никогда не подарят им таких цветов, да и к тому же какой немец отдаст такую уйму денег за цветы! Наши ребята гадали, кто же мог подарить Светлане такой букет? Остановились на том, что этот тайный поклонник наверняка кто-то из посольских, позволивших себе такой подарок. Парни этот вывод запомнили надолго, и Светлана была ограждена от любого их намерения познакомиться с ней поближе.

Светлана подружилась со своими студентками-коллегам по комнате – Хайди и Каролой. Хайди была венгеркой по национальности, но родилась и выросла в ГДР. Ее отец был академиком. Хайди дружила с Гердом. Герд был чехом по национальности и тоже родился и вырос в ГДР. Его отец был директором крупного завода. Выходцам из семей интеллигенции было значительно труднее поступить в университет – предпочтение отдавали рабоче-крестьянскому происхождению, даже если их общеобразовательный уровень был намного ниже. Хайди и Герд были отлично успевающими студентами. Кроме своих национальных языков, хорошо владели английским – обязательным иностранным языком в университете. Оба были членами FDJ. На торжественные мероприятия, как и все члены Союза свободной молодежи, надевали синие рубашки. Однако Хайди и Герд не были как все, когда нужно было высказывать свое личное мнение. За это их не любили. Даже общаясь со Светланой, они не скрывали своего критического отношения к существующей общественно-политической системе, к дискриминационной политике при поступлении в вузы и дальнейшем трудоустройстве. После окончания университета им удалось уехать в Канаду. Через некоторое время Герд вернулся в Германию. Хайди повторно вышла замуж за выходца из Северной Африки и родила симпатичного смуглого мальчугана. Светлана возобновила контакт с Хайди спустя многие годы после университета, случайно увидев ее страницу в Интернете. Они встретились уже в объединенной Германии, на Женевском озере, куда переселились хайдины родители. Хайди приезжала по делам наследства. Но все это ожидало Светлану далеко в будущем.

На выходные сосед Герда по комнате уезжал домой, и Хайди переезжала на эти дни к Герду. В субботу утром она готовила завтрак, привлекая на кухню мужское население этажа, в особенности наших ребят. Их влекло не то, что она готовила для Герда, а то, во что она была одета. В одной русской сказке царь устраивает испытание для героини – явиться к нему одетой, но без одежды. Героиня достойно выходит из этого испытания, накинув на себя рыболовную сеть. В сказке, правда, не было указано, какой вязки была сеть. На Хайди тканевая вязка была крупной и ... больше ничего!

Так как Хайди и Герд были детьми высокооплачиваемых родителей, они получали мизерную стипендию. К удивлению Светланы, родители им помогали мало. У Хайди вообще были натянутыми отношения с отцом. Поэтому они жили очень скромно. Светлана по выходным иногда пекла пирожки и делала любимые пирожные – картошку. Наложив полную тарелку, она отправлялась в соседний блок, и за самоваром, который она подарила Хайди и Герду, они втроем проводили время в беседе. Светлана рассказывала о своей семье, жизни на селе, учебе в Москве ... Хайди и Герд делились своими знаниями и впечатлениями о Советском Союзе, полученными в школе, в университете и в общении с нашими гражданами. Эти беседы не только раскрывали Светлане глаза на настроения немецкой студенческой молодежи, на ГДРовскую действительность вообще, но, в первую очередь, совершенствовали ее немецкий язык. На последнем семестре Светлана писала дипломную работу. Написав ее сперва на русском языке, она затем переводила ее на немецкий, и здесь Хайди и Герд часами уделяли ей время, вместе оттачивая адекватный смысл того или иного предложения. Отличная оценка на защите дипломной работы в большей степени была заслугой ее друзей.

Карола была берлинкой и жила вместе с родителями в престижном доме на Karl-Marx-Allee недалеко от общежития. Ее родители были членами SED (Sozialistische Einheitspartei Deutschlands – Социалистическая единая партия Германии) и DSF. В конце войны, будучи шестнадцатилетним мальчишкой, отец покалечил себе ногу, подставив ее под колесо машины,

чтобы его не призвали на верную смерть – защищать уже окруженный Советской Армией Берлин. Когда Карола узнала о приезде советских студентов в родной университет, она сама попросила поселить ее в общежитии.

Светлана стала частой гостей в доме немецких коммунистов. Нередко Светлана заставляла в доме старшего брата Каролы – Клауса. Полненький, круглолицый, в очках, всегда в костюме со значком члена SED на лацкане пиджака, Клаус был заведующим отделом в центральном органе печати SED – газете «Neues Deutschland» («Новая Германия»), выпускником Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ в Москве. Редакция газеты располагалась как раз напротив студенческого общежития Гумбольдтского университета на Franz-Mehring-Platz. У Клауса была служебная машина, и однажды зимой, когда Светлана засиделась в гостях у Каролы, он подвез ее к общежитию, галантно открыв дверь и поцеловав на прощание руку. Светлане это понравилось.

Прошло некоторое время, и Карола поведала Светлане, что брат говорил о ней с папой и что хочет пригласить ее в театр.

Клаус заехал за ней в общежитие, и они поехали в театр им. Горького. Театр инсценировал горьковскую пьесу «На дне». Светлане было интересно следить за знакомыми еще со школы действиями на сцене в исполнении немецких артистов. Вскоре последовало новое приглашение – в Berliner Ensemble (Берлинский ансамбль) на знаменитую драму классика немецкой литературы Бертольта Брехта «Mutter Courage und ihre Kinder» («Мамаша Кураж и ее дети»). Кульминацией театральных посещений стало «Лебединое озеро» с Натальей Макаровой в Берлинской государственной опере. Для этого Светлане пришлось срочно пополнить свой гардероб. В опере собрался весь культурный бомонд Берлина. Многие Клаусу были знакомы. Он представлял Светлану, знакомые – своих спутников. После оперы отправились с друзьями в ресторан во Дворце республики. Каждая встреча с Клаусом начиналась маленьким букетиком цветов и заканчивалась традиционным поцелуем руки. Светлане стало даже немного обидно. Выросшая на селе, где свои чувства привыкли выражать более эмоционально, она ожидала хотя бы поцелуя в щечку.

Культурная жизнь Светланы не осталась незамеченной в общежитии. Коллеги пытались Марию, но та мужественно молчала, хотя ей нечего было сказать: Светлана ни с кем не делилась своей личной жизнью. Все с нетерпением ожидали продолжения романа.

Очередной раз, уже ранней весной, прощаясь со Светланой, Клаус сообщил, что главный редактор устраивает на даче пикник и пригласил его с подружкой. Под подружкой Светлана поняла себя.

Главный редактор «Neues Deutschland» Гюнтер Шабовский был членом Политбюро ЦК СЕПГ, выпускником Московской Высшей партийной школы при ЦК КПСС (ВПШ) и хорошо говорил по-русски. Клаус представил Светлану, Шабовский познакомил ее со своей супругой Ириной. Ирина была москвичкой и познакомилась со своим будущим мужем в Москве, когда он учился в ВПШ. Так Светлана вошла в близкий круг знакомых будущей первой леди Берлина – через год Гюнтер Шабовский стал Первым секретарем Берлинского окружка партии.

Перед самым отъездом домой на летние каникулы Карола сообщила Светлане важную новость: Клаус посоветовался с родителями и собирается осенью сделать ей предложение.

По дороге в Москву Светлана решила сперва открыться Ане и потом посоветоваться с родителями. Подруга на этот раз не хлопала в ладоши, а наоборот, стала грустной и тихим голосом сказала: «Не делай этого! Ты испортишь жизнь себе и ему».

Приехав домой и рассказав о своем знакомстве с Клаусом, Светлана по реакции и ответу папы поняла, что он был уже в курсе дела. Видимо, Аня поделилась новостью с Николаем Григорьевичем, и он дал «дельный совет» своему другу. Мама тоже была категорически против, напомнив, что дядю Светланы убили во время войны немцы. Так Светлана чуть не вышла замуж в Берлине.

Пройдет всего несколько лет, и падет Берлинская стена; Германии объединятся; SED запретят; Гюнтера Шабовского признают виновным в отдаче приказа расстреливать беглецов у Берлинской стены и приговорят к тюремному заключению; Светланин неудавшийся жених останется без работы и служебного автомобиля.

Осенью, в начале последнего года обучения, в группе справляли первую свадьбу советских студентов в Берлине: Александр, бывший комсорг курса, с которым Светлана приехала на учебу из МГУ, женился на Галине из Москвы.

Галина хоть и не блистала красотой, но была умной и рассудительной девушкой. Несколько медлительная, она, тем не менее, знала, чего она хочет и была уверена в правильности своих поступков. Дочь врачей из кремлевской клиники, привыкшая к избранному кругу общения, она наверняка нашла бы себе более подходящую пару в Москве, но вдали от дома, из ограниченного выбора она остановилась на абсолютно послушном, безвольном Александре, исполнявшем каждую ее прихоть. В присутствии других Галина могла, например, «любя» назвать Александра «крокодилем Геной», нисколько не сомневаясь в том, что это его не обидит. Все понимали, что это – брак по расчету: Галине нужен был статус замужней женщины с абсолютным правом свободы в своих поступках. Александру нужно было закрепиться в Москве и пробивать свою карьеру. Но и невеста, и жених совершали одну и ту же ошибку. Находясь относительно долго за границей на фоне свободных семейных отношений, гражданских браков в немецких семьях, со стороны кажущихся правильными и счастливыми, они намеревались создать подобное в своей семье. Вернувшись домой, чужие отношения в русских условиях окажутся неприемлемыми.

С этим Галина и Александр столкнутся позже, а в ту последнюю осень пребывания в Берлине, в столовой посольства накрывались свадебные столы. Стены были увешаны различными пожеланиями, типа «Жениху да невесте – 100 лет да вместе!» Для молодых была предоставлена черная «Волга» с дипломатическими номерами, украшенная шарами и лентами. Забрав молодых и свидетелей из общежития, разукрашенная «Волга» покатала их по центру Берлина, нарушая все правила дорожного движения и вызывая клаксонную поддержку остальных участников движения – немцы тоже хотят иногда жить без правил, но немцам нельзя нарушать правила, поэтому, приезжая к нам, они оттягиваются по полной!

Торжественная регистрация с традиционным «маршем Мендельсона», обменом обручальными кольцами и вручением свидетельства совершалась ответственным работником посольства в присутствии студенческого куратора, секретаря объединенного комитета комсомола, приглашенных на торжество преподавателей университета. Тамадой, конечно, выбрали Леонида. Веселье на свадьбе было гарантировано!

На последнем семестре студенты освобождались от регулярных занятий, оставались только консультации с руководителем дипломной работы. Светланин руководитель профессор доктор фрау Гофманн часто проводила консультации у себя дома, назначая время, удобное для дипломников. Иногда за круглым столом усаживались 10-12 человек, и всегда фрау Гофманн была всем рада. Не было случая, чтобы на столе не стояла ваза с фруктами, печеньем, конфетами ... даже из Москвы «Мишка на Севере» или «Белочка» – фрау Гофманн сама ездила в командировку в Москву, и аспиранты из советских вузов были у нее частыми гостями, а с пустыми руками у нас в гости приходиться не принято! Однажды, ожидая большой наплыв на консультацию, фрау Гофманн выставила на стол обыкновенный тазик, в котором обычно стирают белье, доверху наполненный фруктовым салатом, поставив рядом стопку тарелок и ложки. Было понятно, что в доме просто не нашлось подходящей посуды, но для фрау Гофманн важнее было накормить вечно голодных студентов. Пришлось, преодолевая неприятное чувство, поглощать очень вкусный салат. Светлана в который раз за время пребывания за границей констатировала факт превалирования содержания над формой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.